

детективная мелодрама

Талина РОМАНОВА

Ты у него
одна

Галина Владимировна Романова

Ты у него одна

Серия «Детективная мелодрама»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167405*

Ты у него одна: Эксмо; Москва; 2003

ISBN 5-699-01274-5

Аннотация

Беда редко приходит одна. Так произошло и с Эльмирой. Теперь ей пришлось на собственной шкуре ощутить, каково живется покинутой жене и... загнанному зверю, вокруг которого сужается кольцо. Все несчастья молодой бизнес-леди связаны с исчезнувшими пять лет назад бриллиантами. И вот теперь эти же самые драгоценные камни она получает... в почтовых бандеролях! На Эльмиру начинается охота. Люди, которые ведут с ней эту странную жестокую игру, неуловимы, беспощадны и изобретательны. Не на их ли сторону переметнулся неверный муж?..

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	59
Глава 4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Галина Романова

Ты у него одна

Глава 1

Этот жуткий сон... Он повторялся уже трижды и всякий раз напрочь выбивал ее из колеи. Она просыпалась с глухим стоном, с прилипшими ко лбу мокрыми от пота волосами, судорожно колотившимся сердцем и с непроходящим ощущением надвигающейся беды. Потом целый день не находила себе места, пытаясь отыскать хоть какую-нибудь логическую подоплеку этого сновидения.

Стыдясь самой себя, таясь ото всех, купила в подземном переходе сонник и украдкой выискивала там возможные толкования ее ночного кошмара. Хотя, в сущности, таиться ей было незачем и не от кого. Никто не мог заглянуть ей через плечо и застать за столь несерьезным занятием. Никто не мог потребовать от нее объяснения, уговорить поделиться тем, что ее мучило, чтобы потом развеять все страхи, посмеяться над ними, объяснив все ее крайним переутомлением и нездоровьем. Сделать это было совершенно некому, потому что уже пять лет рядом с ней не было родной души.

У нее был муж, но его существование рядом с ней для нее ровным счетом ничего не значило. Оставался еще кто-то из

прежних друзей, которые старательно не замечали ее угрюмой отстраненности и всячески по-прежнему пытались проявлять по отношению к ней участливое расположение. Они зазывали ее в гости. Справлялись о здоровье. Вели светские беседы, старательно обходя стороной болезную тему ее прошлого. Но все это было не то. Не то, что было ей нужно в ее теперешней жизни, не то, что было прежде...

– Эмка, ты превратилась в статую! – не выдержала однажды одна из бывших ее сокурсниц, всячески пытавшаяся растормошить ее в канун рождественского карнавала. – Ну нельзя же так! Жизнь продолжается! Похоронить себя заживо в твои-то неполные тридцать...

Она в ответ лишь недоуменно пожимала плечами, не без удивления отмечая справедливость замечаний приятельницы. Она и вправду превратилась в изваяние. Не испытывая ни чувств, ни боли, ни радостей. Все кончилось для нее. Кончилось несколько лет назад.

Сначала погибли ее родители. Погибли страшно – были среди бела дня взорваны в собственном автомобиле на глазах у десятка свидетелей. Осиротев тем далеким мартовским днем и почернев от горя, Эльмира даже не могла себе представить, каким жутким эхом отзовется эта трагедия год спустя.

Началось все со звонков незнакомых ей людей, требовавших от нее возврата каких-то баснословно дорогих бриллиантов. Она была напугана, потрясена, растеряна. Потом на

нее обрушилась новость, буквально подкосившая ее. Эльмира узнала, что ее покойный отец, скромный художник местного театра, сколачивал состояние и обеспечивал безбедную жизнь своей жене и дочери, занимаясь весьма неблагоприятными и незаконными делами. Он не брезговал ничем. В числе его подвигов числилось и распространение наркотиков. Следом всплыло предположение, что ее родители погибли из-за тех самых злополучных бриллиантов. Оказалось, что в день гибели ее отец, исполнявший в том деле роль курьера, должен был доставить их одному из местных ювелиров. Встреча не состоялась. Отец погиб. Бриллианты исчезли.

Эльмира никогда не видела этих камней. Ничего и никогда не слышала о них, в чем долго и безуспешно пыталась убедить тех, кто надеялся их получить и кто усугубил ее трагедию, создав ей массу проблем.

Затем в ее жизнь буквально вломился Данила, сосед по площадке, успевший повоевать в Чечне. Вломился нахрапом, бесцеремонно, сокрушив ее ослабленное горем и проблемами сопротивление. В результате она вышла за него замуж.

Сейчас, по истечении пяти лет, оглядываясь назад, Эмма недоумевала, как случилось, что она дала согласие на этот брак?! Как позволила нарядить себя в подвенечное платье и увести себя в загс, а затем и в церковь?! Это же было безумие, фарс, фальшь наконец. Во всяком случае с ее стороны. Она же никогда не любила его. Никогда! Да, он сумел по-

мочь ей, подставив свое сильное плечо, и вызволить из беды в трудную минуту. Да, он сумел вытащить ее из-под пули, которую ей уготовил один из помутившихся рассудком народных мстителей. Пожертвовал жизнью своего друга, стоило тому лишь намекнуть, что неплохо бы завладеть ее наследством. Эльмира была ему признательна за это. Она уважала его за смелость и жертвенность. Она отдавала должное его преданности. Но этого было недостаточно для брака. Мало для того, чтобы они были счастливы рядом.

Видимо, беды и отчаяние тех дней ослабили ее рассудок, раз она ответила ему «да».

– Ты будешь со мной счастлива, Эльмибочка! – жарко шептал Данила ей на ухо, осторожно прижимая к себе, будто она не человек вовсе, а нечто фарфоровое, хрупкое и ломкое, которое с трудом можно было удерживать в руках и не повредить. – Вот увидишь! Я все сделаю для этого!!!

Он и делал. Делал, как умел. Как его научила этому улица. Уставшая от жизни мать. И армия, искажившая его представление о нормальной мирной жизни...

– Что тебе еще нужно?! Что?! – орал он на нее три года спустя, швыряя над ее головой заработанные им деньги. – Тебе этого мало?! Я же ломаюсь, как проклятый!.. Я же из сил выбиваюсь! Я же все жилы порвал, чтобы ты была обеспечена и счастлива! Чтобы ты ни в чем не нуждалась. А ты вечно недовольна. Твоя хандра... Боже мой! Меня с ума сводят твои насупленные брови. Твои губы... Я забыл, как ты

улыбаешься!..

– У меня мало поводов для радости, – обычно возражала ему Эмма, имея в виду его постоянное отсутствие и усталость, а также свое одиночество.

– Да?! А кто, скажи, способен тебя порадовать?! Кто?! – Данила моментально закусывал удила, и начинались долгие игры в непомерную ревность.

Чего только не доводилось ей выслушивать в такие минуты. Ей вменялась в вину даже ее красота, которая неизменно приковывала к себе мужские взгляды на улице. Ее ноги, походка... Они были не такими, как у большинства возвращающихся по вечерам с фабрик и заводов женщин, населяющих их дом. Она не так несла голову, слишком высоко задирая подбородок. Высокомерности и холодности ее взгляда могла позавидовать английская аристократка...

– Что ты о себе возомнила?! – сатанел Данила, кружа вокруг нее подобно хищнику. – Кто ты такая вообще есть?! Что ты смогла бы сделать, если бы меня не было рядом?! Ты бы давно переселилась на кладбище, под общую могильную плиту со своими родителями, если бы не я! Твоя любезная подруга!.. Ты так любила ее. Разве могла ты представить себе, что она трахается с твоим великолепным талантливym папочкой?! Разве могла ты предположить, что это именно она отправила его на тот свет, изведясь от ревности, когда он решил ее бросить?! Ей ты верила! Ее ты любила! А меня нет...

Зойку, свою самую близкую и верную подругу, Эльмира действительно любила. И верила ей без остатка. Верила и доверяла. Оказалось, что напрасно. Искусная в своей подлости и вероломстве, Зойка не сильно напрягалась, используя Эльмиру в своих целях. Ведь это она закутила всю историю с пропавшими бриллиантами, ошибочно полагая, что они у Эммы. Она, оставаясь в тени, навела на нее бандитов, вложив в их не слишком умные головы мысль о возможной причастности Эммы к столь дорогостоящей пропаже. Она спровоцировала все ее беды и несчастья, ожидая, что подруга чем-то выдаст себя. Испугается и выдаст. И тогда...

Но Эльмира ничего не знала. Ей угрожали, ею манипулировали, ее едва не убили из-за пропавших сокровищ. Но тайна осталась тайной. Погибли люди. Зойка покончила жизнь самоубийством, застрелившись в собственной квартире. Застрелилась, когда поняла, что проиграла, что тайна «копей царя Соломона» унесена в могилу отцом Эльмиры...

После ее смерти особых кругов по воде не пошло. Все утряслось почти само собой. Пусть не без помощи и содействия все того же Данилы, но даже и без его участия проблем у Эммы поубавилось бы, найди она в себе силы заняться устройством собственной жизни. Но в том-то беда и заключалась, что не было у нее сил. Их совсем не осталось.

Еще не совсем оправившись от горя после гибели родителей, Эльмира едва сохранила рассудок, оказавшись в эпицентре событий, подстегиваемых жадностью, подлостью,

предательством, низостью и трусостью... Под напором обрушившихся на нее несчастий девушка буквально сломалась. Пустые, ничем не заполненные дни. Бессонные ночи с глухой беспросветной тоской по безвозвратно ушедшему счастливому времени. Она даже не пыталась бороться, а лишь глубже и глубже погружалась в бездну меланхолии.

– Ты каменная!!! – не выдерживал Данила, упрекая ее в холодности. – У меня такое чувство, что ты умерла тогда вместе с ними со всеми...

Эльмира жалела его в такие минуты. Стыдилась своей холодности и равнодушия, но ничего не могла с собой поделать.

– Что ты с нами творишь, черт бы тебя побрал?! – кричал он порой ей со слезами в голосе. – Что ты делаешь с собой?!

– Я просто доживаю свой век, Данила...

В тот день, когда она это произнесла, он все-таки разрыдался. Это было жуткое зрелище. Сначала Данила остолбенел. Вытаращил на нее остановившиеся глаза. Затем надломился, будто мгновенно лишился внутреннего стержня. Губы его скривились в невыносимой гримасе и задрожали, невероятным усилием он попытался скрыть рвущийся из груди отчаянный крик. Стиснул пальцы, хрустя суставами. Плечи вдруг затряслись, и он заплакал. Взрослый, сильный мужик давился рыданиями, неумело размазывая слезы по лицу. Никогда ни прежде, ни потом Эмма не чувствовала себя такой дрянью, как в этот момент. Она проклинала себя за безду-

шие, ненавидела за то, что, обнимая мужа и поглаживая его по дрожащим плечам, не испытывает к нему ни капли нежности. Неловкость, какое-то подобие раздражения – да, но ничего похожего на нежность...

– Никогда не смей больше так говорить, слышишь?! – про-сил он, обнимая ее колени и осыпая их поцелуями. – Не смей так говорить!!!

Она больше никогда не произнесла этого вслух. Но определив для самой себя свое жизненное кредо, немного успокоилась. Да. Чего, собственно, мучиться и изводить себя беспрестанной тоской, если ей остается только терпеливо дожидаться своего неизбежного близкого конца. Отгонять мысли о смерти не значит выторговать у нее себе бессмертие. Эльмира не боялась этих мыслей. Они ей даже нравились. Она находила в них какое-то маразматическое удовольствие, мысленно выбирая себе погребальный наряд, гроб и режиссируя весь похоронный обряд. Это ее даже, пожалуй, развлекало и отгоняло прочь скорбные мысли о тщетности собственного бытия.

Дни шли за днями, но смерть не спешила со своим визитом. Более того, по истечении годичного срока ожидания у Эммы появилось подозрение, что гнусная старуха ее просто-напросто избегает. Она косила ряды ее друзей и знакомых, незаметно подкралась и к ее свекрови, уложив в постель с безнадежным диагнозом, а ее определенно обходила стороной.

Эльмира занервничала. На смену исполненным торжественного сияния и душевного покоя дням в ожидании быстрого и тихого конца вновь явилось постоянное глухое недовольство собой и своим окружением, раздражающий фактор никчемности собственного существования стал преобладающим. Безмерно начала раздражать безмятежность обывательского счастья соседей.

Она стала агрессивной, вечно всем недовольной, постоянно брюзжала. Ее бесило буквально все.

Свекровь отказалась поесть и уснула после инъекции – тварь неблагодарная. Могла бы и поесть, оценив по достоинству ее кулинарные изыски, крутилась на кухне битый час, протирая овощи сквозь ситечко.

Тетя Зина, соседка с первого этажа, попросила купить ей продуктов – лентяйка и иждивенка. Супермаркет за углом. Чего не сходить, когда целыми днями дремлет на скамейке у подъезда. Все почему? Любопытство замучило. Вдруг в ее отсутствие что-нибудь произойдет, а она не увидит.

Данила притащился с очередной шабашки заросший, грязный и дурно пахнущий. Быдло сермяжное. Мог бы и в порядок себя привести, прежде чем ей на глаза показываться. Знает ведь, что она его с трудом терпит, а если не знает, то давно бы догадаться пора...

Эльмире порой казалось, что она безумна. Так ненавидеть людей, так не переносить все то, что тебя окружает, мог только человек с полностью разрушенной психикой. Она запира-

лась в своей комнате. Часами редела, благодаря Господа хотя бы за то, что не лишил ее такой возможности. И просила, просила судьбу об избавлении от мерзости своего существования...

Исцеление от ее безумства наступило как-то вдруг и сразу.

В тот день умерла ее свекровь. Умерла тихо, с улыбкой. Хотя страшная болезнь иссушила ее тело и вымотала душу. За два часа до конца она вдруг пришла в себя и глазами сделала ей знак присесть рядом.

Эльмира взяла табуретку и, установив ее ближе к изголовью, села.

Вера Васильевна, прежде тучная, дебелая матрона, а теперь сухонькая, едва угадывающаяся под одеялом старушка, открыла глаза и совершенно осмысленным взглядом уставилась на сноху.

– Не смей его обижать! – голосом прежней властной Веры Васильевны вдруг отчетливо произнесла она.

Эльмира от неожиданности даже вздрогнула. Все последние дни ее свекровь лишь шипло просила воды и лекарства. Задыхалась, шипела что-то плохо различимое, а тут вдруг полный силы голос...

– Что вы! – забормотала она, оправившись от потрясения. – Вы о Даниле? Все будет хорошо, Верочка Васильевна. Вы не печальтесь. Все будет хорошо...

– Нет. – Боже, насколько была сильна любовь этой жен-

щины к своему сыну. В эти последние минуты она расходовала свои последние силы на то, чтобы выпросить у нее для него благодати. – Ты ненавидишь его. Я все вижу. И меня и всех. Эмка, ты глупая, глумная баба. Зажратая по всем статьям. Не знаешь, чего хочешь от жизни. А жизнь, она... Ох, знала бы ты, дура, как пожить-то охота... Все внуков ждала от вас. Думала, что родишь и поумнеешь. А тебе Господь и детей не дал, потому как пустая ты внутри. Вся пустая. Без сердца ты. А коли сердца нет, значит, и любить не можешь. Данилушка, сыночек...

Вера Васильевна прикрыла глаза, и грудь ее начала с шумом вздыматься. Пальцы судорожно вцепились в край одеяла. Обесцвеченная голубоватая кожа натянулась на острых костяшках суставов, того гляди порвется. Эльмире сделалось жутко. Время клонилось к вечеру. За окном смеркалось, комната погружалась во мрак. Она побоялась зажечь свет, чтобы не беспокоить больную, и сейчас жалела об этом. А тут еще Вера Васильевна, которая было затихла, вновь открыла глаза и начала говорить. Теперь каждое слово давалось ей с большим трудом.

– Не смей обижать его!.. Он у меня один... Он любит тебя без памяти... И всю жизнь будет любить тебя... Только тебя одну... За что ему это, Господи?! Хоть бы ты послал ему другую девушку, а не эту...

Обижаться на умирающую женщину, лопочущую в предсмертном бреду гадости, было бессмысленно, но неприятное

чувство все же разлилось в груди. Первым порывом было встать и уйти в свою квартиру, что располагалась напротив, на одной лестничной площадке. С какой стати ей здесь сидеть?! Данила, зная о том, что матери осталось недолго, где-то шабашит. Будь прокляты его деньги! А она обязана сидеть у смертного одра этой обезумевшей тетки, выслушивать в свой адрес гнусности да еще трястись как осиновый лист.

Да, она не могла не признаться сейчас самой себе, что смерть страшна.

– Эмка... – снова захрипела ее свекровь. – Включи свет. Хочу посмотреть последний раз на тебя. Скоро будет темно...

Сорвавшись со стула, Эльмира щелкнула выключателем и снова вернулась к изголовью умирающей. Села на табуретку. Подняла глаза на лицо Веры Васильевны и ужаснулась. Та плакала. Как же страшны были слезы умирающей женщины!..

– Клянись, гадина! – сипло потребовала свекровь и вдруг, совершив над собой невероятное усилие, приподняла свою невесомую руку и вцепилась в ее запястье. – Клянись, что не бросишь его никогда! Что бы он ни совершил, что бы ни сделал, ты его не бросишь!

Эмма едва не завизжала от ужаса, такими холодными показались ей пальцы свекрови. Безжизненно холодными, хотя в глазах еще билась жизнь.

– Клянись!!! – уже сипела Вера Васильевна. – Клянись, я

умираю!.. Никогда не бро...

Пальцы ее обессиленно разжались, и рука упала на одеяльник. Глаза начали закатываться. Дыхание все реже вырывалось с сипом из горла, но губы упорно шевелились. И в шевелении этих обескровленных, сильно покусанных в моменты приступов губ Эмма снова и снова слышала это слово.

Движимая непонятно каким порывом, она вдруг склонилась к ее уху и закричала:

– Я не брошу его, Вера Васильевна! Я никогда его не брошу! Я клянусь вам! Я клянусь!!!

Дыхание свекрови остановилось минуты через две-три, не больше. Тело дернулось и затихло. Эльмира выпрямилась и не без изумления воззрилась на лицо только что почившей. Боже правый, она улыбалась. Тепло, искренне, облегченно. Кто мог сказать, что означала эта ее улыбка. То ли радость избавления от боли и мучений. То ли радость от слов, что прокричала ей в непонятном порыве Эльмира. Спроси ее в тот момент, что послужило толчком к ее поступку, она бы ни за что не ответила. Но как бы то ни было, она это сказала. А сказав, отступить от своих слов уже не могла...

Глава 2

Уже менее чем через полгода Эльмира сильно пожалела о содеянном. Более того, она прокляла себя за необдуманный эмоциональный всплеск, наложивший на нее суровую эпитимью, – зваться женой Данилы Емельянова.

Не болтай она чего ни попадя над изголовьем умирающей, так и не мучилась бы сейчас. Просто-напросто развелась бы с ним, и конец мучениям. А так... А так приходилось денно и ночью терпеть его присутствие рядом с собой. Присутствие человека, день за днем целенаправленно губящего себя на дне граненого стакана.

Данила запил основательно через четыре месяца после смерти матери. Если до этого он еще как-то крепился, ограничиваясь двухдневными запоями после поминок, то по истечении четырех месяцев Эльмира его вообще перестала видеть в нормальном состоянии.

– Дай денег, – обычно раздавалось поутру, когда они встречались на кухне за завтраком.

Она не спрашивала сколько. Не спрашивала зачем. Молча открывала кошелек, выуживала оттуда пару сотенных бумажек и так же молча выкладывала перед ним. Данила небрежно сгребал деньги со стола. Кивком благодарил за завтрак и уходил. Целый день она его не видела. К ночи его обычно приносили. Клали у порога. Как в добром детском юмори-

стическом киножурнале: звонок в дверь и звук удаляющихся шагов. В случае с ее мужем все происходило по этой самой схеме.

Эльмира открывала дверь. Втаскивала его в квартиру и оставляла в прихожей. Затем она шла к себе в спальню, запиралась на замок, который не так давно вставил ей один знакомый слесарь. И спокойно засыпала. Именно спокойно. Потому как знала, что он не войдет к ней. Не завалится рядом. Не станет требовательно ждать ее любви. Его алчные, ищущие руки... Она ненавидела их. В самые душные бессонные ночи, когда тело ее томилось в непонятной неге, когда во рту было сухо, а сердце стучало как сумасшедшее, ожидая чего-то, она не жаждала его жадных ласк. Чьих угодно, но только не его...

– Почему ты меня так ненавидишь, Эмма?

Этот вопрос он задал ей совсем недавно в краткосрочный перерыв между ночным и дневным похмельем. Поднял лохматую, давно нестриженную голову от нетронутой тарелки с бульоном. Уставил на нее тяжелый взгляд мутноватых глаз и спросил, почему она его так ненавидит.

Она молчала.

Его глаза недобро елозили по ее лицу, он то прищуривал их, то вновь широко раскрывал. Ей и раньше бывало неуютно под их взглядом: тяжелым, застуженным каким-то, все понимающим. А в этот момент особенно неуютно.

– Чего молчишь? Не знаешь, что сказать?!

– Не знаю, – не мудрствуя лукаво, пожалала она плечами.

– Вот, вот... В этом ты вся... – Данила взялся трясущимися пальцами за ложку. Подержал ее немного в руках, наблюдая за ее частой вибрацией, и отшвырнул на стол так, что она зазвенела. – В этом ты вся. Не знаю, чего хочу, не знаю, кого хочу, не знаю, с кем хочу. Принца ждешь?

– Нет, – опять честно ответила она. – Никого не жду.

Он поверил, потому что знал – она не соврет. Не соврет в главном. Несколько минут молчал, глядя куда-то в сторону. Затем резко перегнулся к ней через стол. Больно ухватил ее за подбородок и прошипел:

– А чего тебе надо?! Чего тебе надо-то?! Сколько жил с тобой, не мог понять! Все ведь делал для тебя, все! Даже денег твоих не брал. Работал, как проклятый... Знала бы ты, как я уставал! Лишь бы лишнюю копейку заработать. Лишь бы не числиться в альфонсах. Хотелось быть мужиком в твоих глазах. Мужиком, который способен содержать свою женщину. Хотелось, чтобы ты меня начала уважать. Хотелось, чтобы не я рядом с тобой. А ты рядом со мной... Все пошло псу под хвост. Все... Ты не стала тем, кем могла стать...

– Кем же я могла стать? – скорее по инерции, чем из интереса, спросила Эльмира, высвобождая свое лицо из его рук и поднимаясь с места.

– Женой... – Он уронил себя, обмякшего, на стул и, опершись подбородком о сцепленные в замок пальцы, злобно зашипел: – Целовал тебя, любил до изнеможения, зная, что ты

не со мной. Знала бы ты, как это мучительно! А ты... Ты, сука, даже ни разу усилия над собой не сделала. Даже не попыталась ни разу. Хоть бы раз коснулась меня как мужика.

– А как же я тебя касалась?! Ты что-то того, перегибаешь, дорогой. – Эльмира поставила в раковину тарелку с нетронутым бульоном и пустила воду из крана.

– Ты меня?! Я для тебя был ну... чем-то вроде жабы. Может, ты и ждала, что эта жаба сбросит когда-нибудь шкуру и превратится в прекрасного Ивана-царевича, не знаю. Может, и ждала... Чудес в жизни, Эмка, не бывает. Чудеса бывают только в сказках. Нет их, чудес-то. Одна поганая и гнусная проза жизни. Такая поганая, что можно удавиться. Тошно мне...

Она испугалась. По-настоящему испугалась. Данила впервые за время совместного проживания заговорил с ней так. Были ссоры, сцены с упреками, со слезами. Но такой обреченности в его голосе она не слышала никогда прежде.

– Слушай, Данила, – начала она осторожно, закрывая кран и поворачиваясь к нему лицом. – Может, тебе полечиться?

– Зачем? – Он криво ухмыльнулся. – Я не ищу забвения в вине. Если ты так думаешь, то ошибаешься. Я просто... Я просто доживаю свой век. Так, кажется, ты тогда сказала.

– Слушай, ну если тебе так неважно рядом со мной, может быть, нам проще развестись?

Ей не следовало говорить так. Она поняла это, едва успев вымолвить. Поняла по его оскаленным в злобной ухмылке

зубам. По его сжавшимся кулакам и напряжению, охватившему его плечи.

– Хрен ты угадала, куколка! Хрен ты угадала! Я не облегчу тебе задачу, ни за что! Развода не получишь!.. Денег дай...

Безропотно отстегнув ему очередную парочку сотенных бумажек, Эльмира проследила, как он идет в прихожую. Вдевает в рукава куртки трясущиеся с похмелья руки. Как, косясь настороженно в ее сторону, открывает дверь. И уходит.

«Пусть он никогда больше не вернется! – молила она в душе. – Пусть он никогда не придет больше сюда!»

Но он приходил. Снова и снова она находила его почти бездыханное тело на пороге квартиры. Снова и снова втаскивала его в дом и оставляла на полу прихожей. Затем запиралась в своей спальне. Засыпала, моля всевышнего об избавлении. А наутро опять-таки давала Даниле денег и ждала вечера.

Однажды он не пришел. Эльмира уснула, не дождавшись дежурного звонка в дверь. Проснувшись под утро, она пошла в прихожую. Куртки мужа на вешалке не было. Эмма накинула цепочку и осторожно приоткрыла дверь. На пороге никого. Зато из-за двери квартиры напротив раздавались характерные для затянувшегося застолья звуки. Нестройный хор голосов выводил что-то про ямщика. Кто-то надрывно хохотал. Звенела посуда, слышалась отборная матерщина.

Эльмира хлопнула дверью и, привалившись к ней спиной,

ненадолго задумалась. Итак, ее благоверный решил проводить свои балаганные посиделки в непосредственной близости от ее, вернее их, жилища. Был ли тут какой-нибудь умысел, или ему просто не хотелось отягощать себя проблемой поиска забегаловки, пойдй угадай. Но ей отчего-то стало жутко обидно. Ну ничего ведь нет святого за душой у мерзавца! Мать не так давно умерла, а жила трудно, все для него старалась, себя забывала. Хотя бы в память о ней мог быть поосмотрительнее и не тащить всякий сброд под ее крышу. И тут вдруг ей захотелось посмотреть на весь этот сброд. Кого выбрал себе в друзья ее непонятый и нелюбимый? Кто стал для него той отдушиной, какой ей не удалось стать прежде, да, видно, уже и не стать никогда...

Она скинула пижаму и прямо на голое тело натянула спортивный костюм. Провела щеткой по волосам. Потом, подумав, закрутила их жгутом и перехватила заколкой. Дежурный взгляд в большое зеркало: лицо чуть бледноватое, глаза немного припухли со сна и еще эта складка на щеке. Надо же было так неаккуратно втиснуться в подушку. Ну да бог с ней, со складкой! Не на конкурсный отбор...

Дверь была не заперта на замок, а лишь прикрыта. Господа отдыхающие настолько были уверены в том, что их никто не посмеет потревожить, что даже не потрудились накинуть цепочку.

Неслышно проникнув в квартиру покойной Веры Васильевны, Эльмира прислушалась.

Так, всех присутствующих, по всей видимости, человек пять-шесть, не больше. Двое из них, в том числе одна особа женского пола, продолжают гнусавить про ямщика, замерзающего в снегах. Кто-то из мужчин, по голосу довольно-таки молодой, посылал кого-то по адресу в весьма витиеватых комбинациях. Еще пара голосов отспаривала козырного туза. Данилы слышно не было.

Осторожно ступая на цыпочках, она сначала заглянула в комнату. Там было пусто. Диван. Кровать. Все в том же виде, что и пару дней назад, когда она сюда заходила. Разве что появилась кипа газет на столике у старенького телевизора.

Эмма развернулась и пошла в кухню. Здесь ее не ждали, это точно. В кухне мгновенно стало тихо. Шесть пар пьяных глаз какого-то серовато-мутного оттенка воззрились на нее.

– Здравсте, – первой нашлась полуголая девица, сидевшая справа от Данилы и обвивавшая его шею рукой. – Ты кто такая?

Общество, подбодренное ее находчивостью, разом зашумело, задвигало стаканами и стульями, освобождая ей место.

– Садись, коли зашла. – Данила криво ухмыльнулся ей, не сделав никаких попыток скинуть с себя руку чужой женщины. – Выпей вот с нами. Не побрезгуй.

– Данила, а че за телка воще? – Сидевший ближе всех к выходу блондин скосил на нее блудливые глаза. – Ровная какая, гладкая...

Он опять не сделал никаких телодвижений, чтобы огра-

дить ее от чужого хамства. Лишь продолжал ухмыляться, рассматривая на удивление трезвым взглядом (в сравнении с остальными, конечно...).

– Что здесь происходит? – стараясь говорить спокойно, поинтересовалась Эльмира и прислонилась спиной к дверному косяку. Прислонилась, чтобы почувствовать хоть какую-то опору для себя в этой комнате. Чтобы не сорваться и не броситься на весь этот сброд с кулаками и не начать пинать их, выдворяя вон. Чтобы не впиться ногтями в заплывшие глаза этой девки, что так по-хозяйски обнимает ее мужика за шею. – Данила, объясни мне, что здесь происходит?

– Дэн, – омерзительно гнусавым голосом закапризничала барышня. – Что за телка такая?! Чего она приперлась, когда ее сюда никто не звал?! Чего она к тебе липнет? Ведь ты мой, Дэнечка, мой!

После этих слов, совершенно не стесняясь присутствующих, девка задрала короткую, сильно декольтированную маечку, обнажила пару огромных смуглых грудей и вдруг оглушительно заржала.

Собутыльники ее поддержали. Нет, конечно же, раздеваться никто не стал. Они просто захохотали в унисон с ней. Омерзительным, издевательским, унижающим Эльмиру смехом. Кто-то даже засвистел, заметив ее столбнячное состояние. На нее и в самом деле нашло что-то вроде столбняка. Все звуки слились и поплыли вокруг ее головы, больно ударяя в уши. Она переводила глаза с одного перекошенно-

го смехом лица на другое, но почти не различала их черт. Изображение расплывалось, отчего-то сфокусировавшись на паре темных сосков бесстыжей девицы, которая ловила теперь упирающуюся руку Данилы и все норовила прижать ее к своему обнаженному телу.

– Вон! – сначала еле слышно прошептала Эльмира, но вдруг завизжала тонким фальцетом, повторяя без устали: – Вон!!! Все вон!!! Скоты, ублюдки!!! Убирайтесь все вон, пока я милицию не вызвала!!! Вон!!! Вон!!!

К ней тянулись чьи-то грязные пальцы. Раздавался звон сдвинутых в тосте стаканов. Следом звон разбитой посуды. Чья-то грязная ругань, перекрываемая истерическими всплесками омерзительного смеха. Она сама что-то кричала. Кого-то била, тащила за рубашку со стула. Отвесила кому-то подвернувшемуся под руку пощечину. Затем побежала. Споткнулась. Упала на лестничной площадке и сильно ударилась коленом. Расплакалась, скорее жалея себя, поскольку боли совсем не чувствовала. И лишь когда кто-то подхватил ее сзади под мышки и потащил к двери ее квартиры, Эльмира начала немного приходить в себя.

Что за истерика, боже правый?! Что с ней только что произошло?! С ней, такой уравновешенно-холодной, не теряющей самообладания в куда более сложных ситуациях...

– Нервы, дорогая, надо лечить! – тихо прошептал над ее ухом кто-то голосом ее мужа, тогда как рука по-свойски тискала ее грудь. – И белье нижнее надевать нужно, когда в лю-

ди выходишь...

– Пусти меня, ублюдок! – взревела она, разворачиваясь к нему лицом и одновременно пытаюсь вытолкать его из квартиры на лестничную клетку, чтобы потом захлопнуть дверь перед его носом. – И убери свои...

– Грязные лапы? Мы это уже проходили, милая. – Он и не думал ей подчиниться. Стоял на пороге и не сдвигался с места ни на дюйм. – И лапы у меня грязные. И воняет от меня помойкой, а иногда рыбой. И морда у меня сермяжная. Что еще? Ах, да, совсем было забыл! Друзья у меня гнусные...

– Подонок! – прошипела Эмма как можно презрительнее и, оставив свои безуспешные попытки выдворить мужа вон из квартиры, повернулась к нему спиной и пошла в гостиную, на ходу выкрикивая: – Все! С меня довольно! Плевать я хотела на все клятвы, что сдуру наболтала твоей умирающей матери. Плевать! Я развожусь с тобой!

– Будем делиться. – Данила, следовавший за ней по пятам, остановился в дверном проеме и по-деловому принялся перечислять. – Пара магазинов, что ты смогла приобрести после смерти родителей на папочкины сбережения, – пополам. Квартира. Две машины. Дача, что доброго особняка стоит. Счет в банке. Что же, я в принципе не против. Обменяю свою однокомнатную малогабаритку на хоромы шикарнее и съеду туда. На одни проценты можно будет жить и не работать. Так и сделаем. Хочу шикарную трехкомнатную квартиру. Как только она у меня будет, так я съезжаю. Идет?

– Со всей своей честной компанией?! – Эльмира не удержалась от сарказма, сморщив при этом потешно лицо, и напоследок плюнула мужу под ноги. – И девку эту голожопую не забудь прихватить. Ей очень даже кстати твои средства будут. Вы с ней спустите все за неделю, и друзья помогут.

– А это никого не должно волновать! Тебя, дорогая, в первую очередь! – Данила забавлялся. Боже, как он веселился, видя ее обессиленной и злобной. Не надменной и холодной, а такой вот – растрепанной и вышедшей из себя. – Слушай, Эмка! – Он вдруг шлепнул себя по лбу. – Как же я это сразу-то... Малыш! Ну ты бы сказала, честное слово...

Он пошел прямо на нее, попутно расстегивая пуговицы на рубашке.

– Ты чего?! – Она опешила сначала, не сразу поняв, куда он клонит. – Что я должна была тебе сказать?!

– Ну, детка, расслабься. – Он легко сломал ее сопротивление, закрутив упирающиеся ему в грудь руки ей за спину. – Ты же ревнуешь! Ты же должна это понимать.

– Черта с два ты угадал, гад! – Эльмира все еще пыталась вырваться, хотя прекрасно знала, чего стоят ее силы против его. – Мне просто противно... Мало же тебе времени понадобилось, чтобы опуститься так низко. Хотя о чем это я?! Ты и не поднимался! Ты так и прозябал на том самом дне, где я тебя сдуру обнаружила однажды...

Он ее ударил! Он впервые ударил ее. Наотмашь, хлестко, одними пальцами. Сначала выпустил ее, попутно оттолкнув,

а затем ударил.

– Ты!!! Ты меня ударил?! – зашипела она, пятясь и во все глаза уставившись на Данилу. – Ты это сделал?!

– Да, черт возьми! Я это наконец-то сделал! – Никаких угрызений совести в голосе, казалось, что он был вполне доволен собой. Уронил себя на подлокотник кресла. Слегка откинул назад голову и несколько минут оценивающе ее разглядывал. – Оказывается, это не так кошунственно, дорогая, – ударить свою супругу. В этом даже есть некая прелесть... Особенно когда жена этого заслуживает. А ты, несомненно, заслужила, дорогая. Несомненно.

После этих его слов Эльмира стремительно ринулась к себе в спальню. С силой шарахнула о притолоку дверь и быстро повернула ключ в замке.

Она не слышала, ушел Данила из дома или нет. Не помнила, как зародился и минул день, сменившись сиреневыми сумерками за окном. Она лежала без движения, уставившись немигающими глазами в потолок, и мысленно читала по себе панихиду. Отчего-то в его рукоприкладстве, пусть и не столь болезненном, она углядела символ своего окончательного падения. Не его, а своего собственного. Ей казалось, что это не Данила унизился, ударив женщину, а ее опустили. Опустили так низко, что ниже уже быть не может. И самое страшное заключалось в том, что противостоять ему, попытаться что-то исправить, вернув себе лидерское положение, она уже не могла. Она это понимала, понимал это

и он. Неспроста таким ликованием наполнились его глаза, пристально наблюдавшие за ее потрясением...

Вечером Эмма все же нашла в себе силы подняться с кровати и волоком дотащить до ванной. Получасовой контрастный душ немного привел ее в чувство. Кожа покрылась мурашками. Зубы выбивали дробь, но на душе стало пусть и не очень спокойно, но и не так муторно.

Черт с ним, с Данилой, в конце концов. Пусть живет, как знает. Она для себя определила собственную роль рядом с ним – роль стороннего наблюдателя. А все остальное – не ее проблемы. Что в конце-концов произошло? Ну тискалась рядом с ним какая-то шлюха, и что? Глупо было ревновать, а то, что она ревновала, Эмма к стыду своему не признать не могла... Ну ударил он ее по щеке, так и ладно! Лишний раз доказал свое паскудство. И пускай не оправдывает себя тем, что якобы она того заслужила! Черта с два! Да, была холодна с ним все эти годы. Да, не любила. Так ведь никогда и не обещала этого! Говорила, что попробует. Пробовала – не получилось. Какие к ней теперь претензии? Любая другая давно бы за порог выставила со скудной котомкой: проваливай, мил человек, пока цел, надоели мне твои пьянки-гулянки. А она что? А она все это время терпела. За свекровью умирающей ухаживала. Мыла ее, кормила, переодевала. А ведь терпеть не могла покойницу. Та, кстати, отвечала ей тем же.

Даниле опять же каждое утро по две сотни отстегивала на кутежи. Конечно, не велики деньги, но он и таких в послед-

нее время не зарабатывал...

Чашка кофе, выпитая в одиночестве на кухне, помогла ей прийти к выводу о том, что она теперь свободна. Что бы он себе там ни напридумывал относительно их совместного житья-бытья, ей плевать. Она свободна. И пусть кто-нибудь попытается это оспорить...

Он не спорил. Более того, после того объяснения, закончившегося пощечиной, они не сказали более друг другу и пары слов. И продолжалось это вот уже почти полгода.

Он не ушел, нет. Даже не переехал на квартиру своей матери. Жил по-прежнему с ней под одной крышей, лишь перетасил свои вещи в другую комнату.

Он больше не просил у нее денег. Хотя продолжал пить до недавнего времени. Где он брал средства – воровал ли, работал ли, – оставалось для нее загадкой. Но над ее отгадкой она не очень-то ломала голову.

Они почти не виделись. Данила уходил из дома, когда Эмма только-только открывала глаза. Целый день он где-то пропадавал, как, впрочем, и она, всерьез взявшись контролировать работу двух принадлежащих ей продовольственных магазинов. А когда она возвращалась, в его комнате уже не горел свет. Они уже изволили почивать.

Эмма быстро принимала душ или ванну. В зависимости от степени усталости, озлобленности и озабоченности. Заученными движениями расстилала постель и, обессиленно ухнув на подушки, почти моментально засыпала.

– Тебя так надолго не хватит! – выдала ей сегодня за ланчем ее давняя подруга Лизавета, с которой они последнее время чаще обычного сталкивались по роду своей коммерческой деятельности. – Ты холодна как лед. Ты неулыбчива. Ты пашешь, как... как негр, если можно так выразиться! Эмка, ты очерствела. Оглянись вокруг, жизнь продолжается. Ты молода, красива. Не нужно хоронить себя в той глыбе льда, которую ты намораживаешь и намораживаешь вокруг себя.

– Мне так легче, – отмахивалась Эльмира, машинально подсчитывая ущерб от просроченного шампанского, вовремя не выставленного на прилавки. – Я кручусь, забываюсь. Все то говно, извини за выражение, но по-другому просто не скажешь, все оно куда-то девается. Его перестаешь замечать. Домой прихожу, валюсь в кровать и моментально отрубаясь. Никаких чувств, никаких желаний.

– А что муж? Данила-то как это терпит? – Лиза была свидетельницей на их свадьбе и к ее супругу испытывала если не дружеское, то достаточно теплое расположение. А узнав о его героизме на чеченской войне, произвела его в разряд национальных героев.

– А что Данила? Данила сам по себе, я сама по себе. Живем в разных комнатах. Полгода уже не разговариваем. – Зная о симпатии приятельницы к ее мужу, Эльмира никогда не посвящала ее в свои семейные проблемы, но сегодня ее отчего-то потянуло на откровенность.

– Да ты что?! – Лиза уронила чайную ложку в вазочку с

десертом и слегка приоткрыла ярко на помаженный ротик. – Ты и Данила?! Такой бравый парень! Косая сажень в плечах... Глаза... Боже, Эмка, ты чокнутая! В его глазах, в них столько любви было и вместе с тем столько муки. Я едва не плакала от того, как он смотрел на тебя. А когда из загса тебя на руках нес, я разревелась все же. Он тебя словно дорогую фарфоровую статуэтку в руках держал. Он так... так тебя берег от всего!

– Доберется, – печально вздохнула Эмма, мысленно пытаюсь припомнить, когда в последний раз видела Данилу. Звук, свидетельствующие о его присутствии, время от времени слышала, а вот видеть... нет. Месяца два они точно не пересекались на восьмидесяти пяти метрах занимаемой ими жилплощади.

– И что?! Что он?! Как живет?! Чем живет?! – Лиза отодвинула от себя нетронутые взбитые сливки с каким-то непонятным ядовито-желтым наполнителем, уложила локти на стол и едва не легла на него грудью. – Эмка, ты совсем глумная! Да такого мужика в момент схватят! Сейчас ведь что кругом творится?! Одни кобели. Кобель на кобеле и кобелем погоняет. А твой Данила...

– Ну что мой Данила?! Что?! – Неожиданно от слов Елизаветы ей сделалось неприятно.

– Он... он верный. Про таких, как он, говорят: как за каменной стеной. Ты же совсем одна. Ни родителей. Ни братьев, ни сестер. Он же тебе за всех сразу был. Работал как

проклятый, невзирая на твою обеспеченность... Боже, что ты натворила!.. – Лиза замолчала, несколько минут досадливо покусывая губы и покачивая головой. Потом вытянула вперед руку, дотронулась до локтя Эммы и проникновенно так поинтересовалась: – А у тебя никого нет?

– В каком смысле? – Эмма выгнула брови дугой.

Конечно, она не была дурой и мгновенно поняла, куда клонит ее приятельница. Интонация Елизаветы вкупе с ее заговорщическим подмигиванием, конечно же, яснее ясного свидетельствовали о ее домыслах относительно возможного любовника, существование которого Эльмире удавалось до поры скрыть. Она и сама, может быть, была бы рада такому повороту в своей судьбе, но, увы, порадовать подругу было нечем.

– Так и никого?.. – Елизавета, несмотря на ее симпатию к Даниле, явно была разочарована. Но тут же она снова обрадованно вскинулась: – А у него? У Даньки твоего? Может, у него кто-нибудь есть?

Рассказывать ей о развязной шлюхе, бесстыдно устроившей стриптиз на широкой публике? Нет, Эмма до такого опуститься не могла. Она недоуменно дернула плечами и лаконично ответила, что не знает. Разговор постепенно съехал на другую тему, и менее чем через десять минут дамы распрощались.

– Звони, дорогая, не пропадай. – Елизавета светски потерлась своей щекой о щеку Эммы и поспешила к своему

«Вольво», но на полдороги все же притормозила и, оглянувшись на нее, пробормотала: – Данила... Данила... Знаешь, если ты хочешь, я наведу о нем справки. Не может же такого быть, чтобы молодой здоровый мужик прозябал полгода в одиночестве, довольствуясь объятиями постельных принадлежностей. Ну, как?

– Нет, не нужно, Лиза. Я не хочу об этом знать, – казалось, искренне ответила она ей и тут же устыдилась собственной лжи.

А ведь в самом деле ей было бы небезынтересно знать, чем он сейчас занимается. С кем проводит время? Судя по относительному порядку, оставляемому им за собой в ванной и на кухне, он пребывает в трезвости. Спьяну разве стал бы он вытирать за собой тарелки с чашками или протирать полочку с бритвенными принадлежностями? Нет, конечно. Он и не брился почти во времена запоев. Неужели она проглядела его обновление? Опять проглядела. Отчего-то все, что с ним происходило и происходит, проскакивает мимо нее. Порой бывало и интересно узнать, но такие порывы были непродолжительными, быстро иссякали и забывались. Однако сейчас...

Эмма мерила шагами пространство своего кабинета, из которого вытурила предыдущего генерального директора, пьяницу и бабника, и не могла не думать о своем муже. Вот ведь делать больше нечего, как тратить время на подобные размышления: пьет или не пьет сейчас ее Данила. Да и ее

ли он вообще в настоящий момент? Может быть, уже давно другой семьей обзавелся, а в молчанку продолжает играть из вредности или из корысти...

– Черт! – вполголоса выругалась она, выходя из кабинета и цепляясь ремешком сумки за дверную ручку.

– Вы уже уходите?! – Изумление ее помощницы Лены, исполняющей обязанности и секретаря, и кадровика, а иногда, в интересах дела, и просто красивой женщины, было воистину великим. В кои-то веки ее хозяйка уходит с работы за светло. Обычно-то и сама торчит здесь до первых звезд, и людей терроризирует. – Вы больны?

– Нет, Лена, все в порядке. Решила просто сегодня пораньше домой вернуться. Кажется, кажется, у моего мужа сегодня день рождения...

Брякнула первое, что пришло в голову, а, брякнув, тут же пожалела. К чему было врать, если ее анкетные данные занесены в память компьютера. Ленке ничего не стоит щелкнуть парой клавиш и выудить информацию. К тому же зачем-то добавила это дурацкое «кажется». Хороша жена, если о дне рождения мужа говорит лишь предположительно...

На улице шел мокрый снег, что настроения ей не прибавило. С утра уже было весна началась. Солнышко ласково пригревало. Асфальт сох прямо на глазах, превращая огромные весенние лужи во влажно поблескивающие пятна. Она и на встречу с Лизкой согласилась скорее под воздействием весеннего погожего утра. Разве могла она предположить, что

та сумеет так ее растревожить. А тут еще этот дурацкий мокрый снег, забивающийся в глаза и волосы. Холодящий щеки и ледяющий душу. Бр-рр-р, нет ничего противнее этих влажных плотных комочков, бешено вращающихся вокруг тебя, норовя и тебя превратить в ледышку.

Эмма с облегчением опустила на водительское сиденье своего «Пежо». Машина изумительного ласкового цвета «голубой лагуны» была ее любимицей. Она так и называла ее про себя: «мой пижонистый „Пежо“». Эмма заученно повернула ключ, мотор нежно заурчал, и теплый воздух салона быстро согрел ей руки.

Господи, она целую вечность не возвращалась домой так рано. Семнадцать ноль-ноль. Просто детское время... У подъезда вечный страж – тетя Зина, изумленно вытаращила на нее старческие подслеповатые глаза. А дома... А дома Данила. Окна их квартиры освещены. Свет какой-то яркий, нереально яркий. Или ей просто так казалось. Обычно-то она возвращалась, когда уже весь дом был погружен в сон. И окна их квартиры смотрелись тогда черными нежилыми провалами. А сейчас вон как ласково светятся. Хотя ее там и не ждут.

Она его напугала. Стоило только погромче хлопнуть дверь, как в кухне с жутким грохотом что-то посыпалось на пол. Следом его сдавленное чертыханье, а затем еще и звон разбитого стекла.

– Надо же, какой фурор я произвела своим появлени-

ем! – пробормотала Эльмира вполголоса и, подталкиваемая неожиданным азартным предвкушением, пошла, не раздеваясь, на кухню.

Данила стоял у окна и растерянно оглядывал остатки своего несостоявшегося ужина. Спагетти рассыпаны по полу. Рядом дуршлаг и перевернутая вверх дном кастрюля. Банка с соусом, расколовшаяся пополам и выплеснувшая свое пурпурное содержимое на кафельные плитки пола.

Эльмира застыла на пороге кухни и вперилась взглядом в мужа. Вернее, в мужчину, который еще полгода назад был ее мужем. Был, потому что сейчас он мало походил на того, прежнего.

Ну, во-первых, он был трезв. И, по всей видимости, пребывал в этом состоянии пару последних месяцев.

Во-вторых, он отрастил щегольскую бородку (!). Что, по ее мнению, ему совершенно не шло. Ничего шкиперского, так – бандит с большой дороги или уголовник. Он отпустил длинные волосы, стянув их в хвост. Вставил в ухо серьгу. И еще он, что, по ее мнению, не прибавляло ему мужественности, удалил все волосы на груди. Да и одет он был самым нелепым образом.

Кожаные штаны в обтяжку. Такая же кожаная жилетка, надетая прямо на голое тело. Узконосые сапоги со шпорами.

– Что за чертовщина?! – Не выдержав положенной паузы, она все-таки подала голос минуты через три.

Он давно забытым взглядом исподлобья посмотрел на нее

и пробурчал едва различимо:

– Неожиданно получилось. Начал спагетти откидывать на дуршлаг. Дверь хлопнула. Все из рук выскочило...

– Я не об этом! – Эмма нетерпеливо сморщилась в сторону бедлама на полу. – Я о тебе. Ты сменил имидж...

– Ах, вон ты о чем. – Данила равнодушно дернул крепкими плечами и тоже без эмоций отрезал: – Это не должно тебя касаться.

– Я и не касаюсь! Ни тебя, ни всего того, что с тобой связано, я просто интересуюсь! Это так сложно понять? Еще сложнее ответить?..

Господи, к чему этот истерически-визгливый тон?! Самой себе противно, что уж говорить о нем. Даже в его непроницаемости была пробита брешь ее нервическим возгласом.

– У тебя неприятности? – вежливо поинтересовался ее супруг (теперь, наверное, уже бывший) и, присев на корточки, принялся совочком сгребать рассыпанные по полу спагетти. – Нервная ты какая-то сегодня. Да и вернулась раньше обычного...

– Надо же, заметил! Впервые-то за полгода!..

Эмма себя не узнавала. Отчего это вдруг поперло из нее все это недовольство?! Разве он не соблюдал условия их неозвученного соглашения? Зачем начинать все заново? Разве ей это не было удобно... до сегодняшнего дня?

Данила никогда не славился скудоумием, поэтому в точности продублировал ее мысли, поинтересовавшись:

– Зачем тебе все это, Эмма? Что на тебя вдруг накатило сегодня?

– Ничего!!!

Чтобы он не дай бог не заметил ее внезапно задрожавшего подбородка, не увидел заблестевших слезами глаз, она круто развернулась и метнулась к себе в комнату.

Он догнал ее у самой двери. Крепко ухватил сзади за плечи и, не прижимая к себе, строго спросил:

– Что случилось?! У тебя неприятности?!

– Пусти! – Она попыталась вырваться, но лишь запуталась в собственном плаще, вспотела и снова раздосадовалась на собственную неловкость. – Не твое дело!

– Да... Наверное, ты права. – Он выпустил ее, но, когда она взялась за ручку двери, быстро развернул к себе и, прижав к стене, приблизил свое лицо к ее. – Эмка... Ты не должна, я понимаю, но...

– Что «но»? – Ей хотелось сказать это резко, вызывающе, но вышло тихо и на удивление жалко. – Чего пристал?! Отпусти меня!

– Господи, какая же ты дурочка...

Его губы были совсем близко. Дыхание, щекочущее ей лицо, было свежим и чистым, без того тяжелого похмельного смрада, от которого она в ужасе шарахалась. От Данилы пахло кожей, табаком и хорошим терпким парфюмом. Одним словом, всем тем, чем пахнут, по ее мнению, настоящие мужчины. А Данила казался ей сейчас настоящим. Если бы, ко-

нечно, не эта его выщипанная грудь. Как подросток, право слово...

– Эмма...

Давно забытый благоговейный шепот... Господи, у нее даже колени ослабли от этого шепота. И на миг вдруг захотелось, чтобы он сказал ей сейчас что-нибудь хорошее. Из той, из прежней их жизни. Что-нибудь славное, от чего у нее порой предательски нежно ныло сердце. Пусть это случилось лишь пару раз за прожитые с ним пять лет, но случилось же. А сейчас... Сейчас ей этого до боли захотелось. Ей было просто необходимо услышать от него что-нибудь...

Он ничего не сказал. Он предательски быстро откачнулся от нее. Поднял с пола оброненную ею сумочку и, сунув ей ее в руки, с кривой усмешкой пробормотал:

– Я почти успел забыть, какая ты красивая.

– Это хорошо или плохо? – все еще находясь в каком-то непонятном замешательстве от его близости, пробормотала Эмма едва слышно, почти интимно.

– Это? Это делает меня слабым.

И он ушел. Ушел в кухню, снова загредев там посудой, может, излишне громко. Ушел, оставив ее на пороге ее комнаты. Такую вот ослабевшую, размягшую, растерянную. Да начини он сейчас раздевать ее прямо на пороге, она бы его не остановила. Почему он этого не сделал?! Мог хотя бы попытаться... Он больше не хочет ее? И как вытекающее отсюда – он больше не любит ее.

На нетвердых ногах Эльмира ввалилась в свою комнату. Натренированным движением повернула ключ в замке. Сползла по стене на пол, не замечая, что так и не сняла плаща и сапог, и расплакалась...

А ночью опять этот сон.

Она видит себя сидящей в глубоком кресле перед телевизором, а из груди ее в области сердца торчит огромный нож. Кровь сильными толчками вытекает из раны, но боли нет. Потом она встает, вытаскивает нож, кровь останавливается. Эмма видит, как она подходит к зеркалу, поднимает руку и внимательно оглядывает себя. Удивительно, но рана от ножа исчезла, а вместо этого чуть левее груди, почти под мышкой, у нее три огромных кровоточащих рубца. Два почти затянулись, а третий совершенно свежий, незаживший. И он болит, болит, болит так, что дышать трудно...

Эмма застонала, заметалась и проснулась.

Пять часов утра. За окном темно. В квартире тишина. Она поднялась с постели и немного походила по комнате, пытается унять яростное сердцебиение. Почему, интересно, этот сон настолько лишает ее покоя? Ничего ведь в нем нет дикого и ужасного. Случались видения и куда более жуткие. Просыпалась иногда с криком. А потом ничего – отходила, забывалась. Тут же совершенно непонятная реакция. Сначала оцепенение. Затем замораживающий душу страх. И потом на весь день тоска необъяснимая. Гложет и гложет под ложечкой. словно предчувствие беды какой-то. Хотя что еще

ей может угрожать сейчас? Сейчас, когда она всего и так лишена. Родители погибли. И мужа она, по-видимому, окончательно оттолкнула.

При внезапно нахлынувших мыслях о нем Эмма вдруг встрепелась. Интересно, дома ли он? На цыпочках подошла к стене, соединяющей их комнаты, приложила к ней ухо и прислушалась. Нет, ничего не слышно. Совершенно ничего. Да и глупо было бы надеяться уловить какие-нибудь звуки в пять часов утра, когда человек спит. А дыхание его... Его из-за стены не услышать. Она его и у спавшего рядом Данилы редко слышала, иногда даже тормозить приходилось, настолько страшным казалось ей его ночное безмолвие. Словно он умер...

Представив, как она выглядит, изогнувшись в немислимой позе и шпионя за собственным мужем, Эльмира застонала уже не во сне, а наяву.

– Нет, ну что я делаю вообще, а?! – прошептала она и, в сердцах пнув подвернувшиеся под ноги тапочки, пошла на кухню.

Она нарочито сильно шархнула дверью о притолоку. Так же умышленно громко, не опасаясь, что ее услышат, зазвенела стаканами, достала один и налила себе негазированной минералки. Задвигала стульями, усаживаясь за стол. Спросить себя, для чего она играет в «барабашку», она даже не пыталась. Ей это было не нужно. Она знала причину.

Ей до боли в животе хотелось его разбудить. Увидеть его

заспанного, недовольного, что-нибудь спросонья бурчащего, предпочтительно что-нибудь грубое, еще лучше вульгарное. Чтобы с нее сползло наконец это дурацкое оцепенение, которое она вчера, засыпая, так и не смогла в себе побороть...

Данила появился в дверном проеме, когда она уже перестала его ждать. В узких черных трусах, босой. Мускулистый и до одури желанный. Ей даже скулы свело, как захотелось до него дотронуться.

«Боже мой! Что со мной творится?! Ему же меня неделю приходилось уламывать, чтобы уговорить на один акт любви! Он же молил меня об этом. А сейчас мне впору ему в ноги бросаться. То-то он потешится...»

– Не спится, дорогая? – отвратительно догадливо ухмыльнулся он. – Гормоны или кошмары?

«И то и другое», – хотелось ей ответить, но она промолчала, продолжая глазеть на него.

Господи, до чего же он... Как бы это выразить в словах поприличнее... Нет, какие к черту приличия, если трусы едва его достоинство прикрывают, а оно у него очень даже...

Под его всепонимающим взглядом она неожиданно покраснела. Данила, не опуская глаз, медленно подошел к столу и сел напротив.

– Ну что у тебя стряслось?

– У меня? С чего ты взял? – Она с совершенно беспечным видом (ну старалась, видит бог, старалась, чтобы так вышло) дернула плечами и даже попыталась улыбнуться ему.

– Твое неожиданное, как бы это выразиться, появление в моей жизни... Я полгода о твоём существовании догадывался лишь по ключьям пены на стенах ванной да по забытым тобою мокрым полотенцам.

– Ложь! Какая чудовищная ложь! – Эмма заерзала на стуле, вдруг вспомнив ни к месту, что из всей одежды на ней одна лишь тонюсенькая, короткая до абсурда батистовая ночная сорочка. – Я все за собой убираю.

– Возможно. Но дело сейчас не в этом.

Данила попробовал взять ее руки в свои, но она дернулась, как от удара током. Нечего здесь перед ней мышцами поигрывать! И откуда, интересно, в такое время года у него вдруг загар? Солярий недешев, а он...

– Ты работаешь? – неожиданно проявила она интерес, машинально подливая себе минералки, чтобы хоть чем-то занять подрагивающие руки.

– Да. – Если он и удивился, то не подал виду. Просто сидел и смотрел на нее с отсутствующим выражением на лице, которое из-за его дурацкой бороды сделалось совершенно чужим и непроницаемым.

– Кем... если не секрет, конечно.

– А если секрет, то что?

Простой же вопрос задала. Неужели так трудно ответить?! А у него на физиономии снова никаких эмоций. И до ответа не снизошел.

– А то! – Эмма повысила голос, хотя изначально не соби-

ралась этого делать. – Если ты опять во что-то такое впутаешься, то пострадать можем мы оба!

– С чего бы это? – Неловко, не мастерски разыгранное изумление. Она заметила, что в нем что-то дрогнуло. Вот и губы облизнул, а это у него всегда признак нервозности. – С чего ты можешь пострадать, интересно? Я везде числюсь холостяком и...

– Ах вот как! – Кто бы мог подумать, что ее так подстегнут его совершенно безобидные слова. Внутри все, буквально все, зашлось от гнева. – Холостяком, значит?! И с каких это пор ты холостяк?! Можно полюбопытствовать?! И паспорт уже вычистил?! Что же до сих пор жилплощадь не очистишь?!

Лягнула и тут же пожалела. А ну как сейчас встанет и начнет собираться? Что ей тогда делать?! Кидаться ему в ноги и просить остаться. Просить прощения. А за что? Нет, она этого не сделает, хотя и боится. Боится не столько его ухода, сколько одиночества. Полугодовой вакуум, в который она себя намеренно погрузила, не был полнейшим. Она все же знала, что он живет рядом. Что он жив, наконец. А если уйдет...

– Ты хочешь, чтобы я ушел? – Данила спросил это едва слышно.

Так же тихо она ответила:

– Нет!

Того, что произошло потом, она очень долго не могла се-

бе простить. Она проклинала потом себя за то, что подошла к нему и, опустившись рядом с его стулом на пол, положила голову ему на колени. Ругала на чем свет стоит за то, что, когда он осторожно тронул ее волосы, она беззвучно заплакала и еле различимым шепотом попросила:

– Возьми меня, Данила! Пожалуйста, возьми меня...

А потом... Потом ничего не произошло.

Данила осторожно встал. Поднял ее. Поставил на приличном расстоянии от себя, преградив жестом ее внезапный порыв кинуться ему на шею. Совершенно не заботясь о том, что она видит его возбуждение, поцеловал ее в лоб и, повернувшись к ней спиной, вышел из кухни.

Она еле удержалась, чтобы не броситься за ним следом. Чтобы не развернуть к себе и заставить, заставить вернуться к ней. Заставить стать опять прежним: нежным, любящим и преданным Данилой. Ее Данилой...

– Лучше бы ты туда выстрелил, подонок! – закричала она, глядя на его мускулистую загорелую спину, и зарыдала уже в полный голос.

Он не повернулся. Не кинулся успокоить ее. Притормозил на секунду, а через мгновение уже заперся в своей комнате.

Большему унижению она не подвергалась в своей жизни никогда. Даже когда он ударил ее и она считала свою жизнь проигранной, ей не было так стыдно перед самой собой, как сейчас.

– Сука! – шипела она своему отражению в зеркале, нанося

утром тональный крем на щеки. – Грязная, похотливая, озабоченная сука!!! Лучше бы ты сдохла тогда, пять лет назад! Лучше бы тебя не стало! Сука!!!

Быть отвергнутой мужчиной – очень тяжелое испытание для самоуверенной женщины. Но быть отвергнутой собственным мужем, которого никогда не причисляла к разряду людей, достойных себя... Чье присутствие теперь лишает душевного покоя...

Такой оплеухи Эльмира от судьбы не ждала. Чего угодно, но только не этого дурацкого вожделения, которым она вдруг воспылала к мужику, чьи прикосновения ей были до отвращения непереносимы прежде и который теперь плевать на нее хотел.

– Ты сошла с ума, – подвела она черту под своим самобичеванием и выкрасила губы пурпурной помадой.

Под стать макияжу было и ее сегодняшнее облачение. Короткая юбка, едва прикрывающая попу. Высокие сапоги. Короткая курточка. Ни шарфа, ни платка на шею. Абсолютно ничем не защищенная обнаженная кожа шеи и верхней части груди.

– Плевать! – злобно усмехнулась она своему отражению в зеркале прихожей. – Из леди в б...и. Пусть так оно и будет.

Заслышав какое-то шевеление на кухне, она напрямик взяла курс туда.

– Доброе утро, дорогой, – пропела она развязно, промаршировав к газовой плите и бесцеремонно заглянув под

крышку кастрюли, в которой ее супруг что-то готовил себе на завтрак. – Вкусно пахнет...

– Доброе утро.

Господи, сколько безучастия в голосе. Никакого удивления ее появлению в столь неурочное время – в восемь часов утра она никогда не поднималась, а тут уже во всеоружии... Более того, мог бы хотя бы из вежливости изумиться, почему это она почти голышом собралась выходить на улицу.

Нет, ничего подобного. Посмотрел пустыми, ничего не выражающими глазами в ее сторону и продолжил нарезать сыр.

– Кофе угостишь? – из какого-то злорадного упрямства поинтересовалась она, усаживаясь подле него и закидывая ногу на ногу.

Данила понимающе хмыкнул и плеснул ей из кофеварки чашечку угольно-черного кофе. Так же молча выставил перед ней сахарницу, зная, что она не пьет кофе без сахара. Пододвинул блюдце с сыром и, отвернувшись от нее к плите, принялся помешивать овсянку.

Вот так-то... Никакого потрясения, никакого удивления или даже любопытства она своим появлением не вызвала. Ни комментариев, ни вопросов, ровным счетом ничего. Повернулся к ней спиной, словно лицезреть его спину является для нее преприятнейшим занятием, и мешает кашку.

Потягивая кофе, Эмма настолько заметалась в своих тревожных мыслях, что не сразу услышала, что он о чем-то ее

спрашивает.

– Прости, я не расслышала. – Внутренне она моментально подобралась и завибрировала: ну вот, наконец-то. – Повтори, пожалуйста, вопрос.

Он неторопливо повернул краник горелки. Вылил содержимое кастрюльки в глубокую тарелку и, лишь залив кастрюлю водой, соизволил повторить:

– Ты настолько нуждаешься в деньгах?

– То есть? – Она едва не подавилась куском сыра, настолько нелепым показался ей его вопрос.

Она даже сразу и не поняла его подтекста. А когда он ей его озвучил, еле-еле удержалась на стуле.

– Что?!

– Я в третий раз спрашиваю у тебя: ты настолько нуждаешься в средствах, что тебе приходится зарабатывать телом?

– ??? – Слова завязли у нее в горле. Они просто не могли выплеснуться наружу от удушливого спазма, остановившего ее дыхание.

А Данила между тем продолжал свою игру. Обошел ее, окаменевшую, вокруг несколько раз, нарочито медленно оглядывая каждый предмет ее туалета и всю забавляясь ее оторопелым видом. Потом встал перед ней. Приподнял ее лицо за подбородок. Большим пальцем правой руки больно провел по губам, размазывая жирную помаду, затем по щекам и вдруг с плохо скрытым презрением произнес:

– Если бы ночью ты мне сказала, что нуждаешься в сред-

ствах, я бы взял тебя, оплатив твои услуги...

И тут случилось страшное – она завывала. Завывала дико, безумно, ухватившись за лацканы его кожаной жилетки и норовя опрокинуть его на пол. Этот крик наверняка был слышен многими. Не слышала его лишь она. Она чувствовала, что рот ее кривится, издавая какие-то звуки, но ничего не слышала. Она смотрела на Данилу безумными вытаращенными глазами, но ничего не видела. Какая-то сумасшедшая сила несла ее, кидая из стороны в сторону. Она пыталась справиться с ней, но не могла. Темнота то сгущалась над ее головой, то рассеивалась. Ее кружило, выворачивало наизнанку, било обо что-то. Эльмира ничего не понимала. И еще этот страшный, непонятно откуда взявшийся гул ветра. Очнувшись, она почувствовала страшную жажду, рот буквально спекся, словно она долго пробыла в безводной пустыне.

– Эмка, открой глаза немедленно, дрянь!!!

Лизкин голос... Странно... Откуда ей здесь взяться в этом адском пекле?..

Эльмира часто-часто заморгала и открыла глаза.

– Больно...

– Где больно?! Где? – Опять голос Елизаветы и ее руки.

– Глаза больно... Лизка, ты чего? – Эмма смогла наконец открыть глаза и оглядеться.

Ее спальня. Постель разобрана. Она лежит в постели, но почему-то совершенно голая.

– Все болит. – Она капризно захныкала, натягивая одеяло до подбородка. – Он что, избил меня? Этот мужлан... Он...

Слезы отчего-то подступили к горлу, и она замолчала.

– Если ты о Даниле, то он ушел. – Елизавета моментально вернула себе присутствие духа и, встав с кромки ее кровати, прошлась по спальне. – Ушел пару дней назад и больше не возвращался. Объяснил твой приступ нервным срывом. Сказал, что ты мало отдыхала последнее время. Много работала... Ничего не пойму. Последний раз, когда мы с тобой виделись четыре дня назад, ты выглядела вполне здоровой. Пусть зажата была чрезмерно, но никаких признаков эмоциональных перегрузок заметно не было. Что-то произошло между вами? Так? Что, Эмма?

– Для начала бы неплохо узнать, что произошло со мной? – Она кряхтя приподнялась на локтях и попросила: – Подай халат, пожалуйста...

– С тобой? А что с тобой? Ты, как безумная, кинулась на своего мужа. Расцарапала в кровь ему все лицо, шею, грудь, плечи. У него такой вид был, словно он побывал в клетке хищника. – Лиза хохотнула, протягивая ей шелковый халатик. – Орала что-то невразумительное. Соседи вызвали милицию и «Скорую», подумали, что он тебя убивает. А помощь пришлось оказывать в первую очередь ему. Врачи поначалу настаивали на твоей госпитализации...

– В психушку?

– В нее, в нее, дорогая. Данила не отдал. Пару дней поде-

журил около тебя, потом я кстати позвонила. Он тебя с рук на руки сдал и исчез, говнюк. – Лиза сдавленно выругалась, что на нее было совсем непохоже и что мимолетно насто- рожило Эльмиру.

– А чего ты звонила? – Она запахнула халат на груди и, преодолев слабость в ногах, пошла к окну. – Просто так?

– Да... не совсем... Ты только присядь, а то вдруг опять орать начнешь да царапаться. Ногти все до основания поло- мала, истеричка. – Лиза остановилась за спиной приятель- ницы и приобняла ее за плечи. – Присядь, дорогая. Все в по- рядке... Доктора говорят, что особого повода для волнения нет и не может быть и что твой нервический всплеск про- диктован скорее гормональным дисбалансом, нежели какими бы то ни было причинами, о которых скороговоркой мне набормотал твой супруг.

– А что он набормотал? – Эмма вернулась в постель и, улегшись поверх одеяла, уставилась во все глаза на приятель- ницу.

– Ну, я тебе уже говорила, что что-то относительно твоей быстрой утомляемости, о каких-то проблемах, кажется, что- то про деньги говорил.

– Идиот! – Эмма против воли почти весело фыркнула. – Ладно, бог с ним, с Данилой. Что там эскулапы тебе налопо- тали? Что там насчет гормонов?

– А то! – Лиза уселась к ней на кровать и с хитрецей в го- лосе поинтересовалась: – Ты когда последний раз с мужиком

общалась? Учти, я не задушевную беседу имею в виду...

– А, вон оно что! Ну, это, по-моему, чушь полнейшая. Нечего улыбаться и выставлять меня озабоченной сексуальными проблемами дамочкой. Я умею контролировать ситуацию. И на мужиков в предменструальный период не бросаюсь.

– А чего же на Данилу тогда набросилась? – парировала Лиза.

– Он... Он отверг меня, представляешь?! Я... Со мной в тот день определенно было что-то не так. Я вернулась рано, поймав себя на мысли, что соскучилась по нему. Что хочу увидеть его и услышать звук его голоса. Ты понимаешь, о чем я?

– Еще бы! Имея не ценим, потерявши – плачем. Это не нами придумано, и придумано верно. Александр Сергеевич, мир праху его, тоже на сей счет умные вещи высказывал.

– Чем меньше женщину?.. – с пониманием кивнула Эльмира и, зябко поежившись, потянула на себя одеяло. – Знаешь, может, ты и права, вместе с А. С. Пушкиным. Приставал Данила ко мне со своей любовью, домогался моей близости, я тогда его видеть не могла. С трудом терпела. А в тот вечер... Лизка, ты представить себе не можешь... Я!!! Я его хотела!!!

– Чего же тут удивительного, – фыркнула та, заботливо укутывая ноги подруги. – Его теперь многие хотят. Такой мужик стал интересный...

– Что ты этим хочешь сказать?! Кто многие?! И откуда... Ах, да! Ты же мне звонила. О чем-то хотела поговорить? О нем? Давай выкладывай, что накопила. Ты же наверняка не могла успокоиться после нашей встречи. Давай все и по пунктам.

Даже если бы Эмма и с меньшей требовательностью вцепилась в Елизавету, та вряд ли устояла бы перед искушением поделиться имеющейся у нее информацией, а тут такой напор. Кто угодно дрогнет...

– Ладно, – согласно кивнула Лиза, не особенно долго упорствуя. – Расскажу. Только ты вот это лекарство прими сначала.

– А что это? – Эмма с опасением уставилась на маленькую бутылочку с темно-вишневым сиропом.

– Что-то успокаивающее. Какой-то профилактический бальзам. Говорю же, что с тобой все в порядке... почти...

Эльмира послушно проглотила сладковато-терпкую настойку и замерла в ожидании.

– Ты права, дорогая. Данила твой резко изменился, – начала Елизавета, но, заметив напряжение Эммы, ободряюще погладила ее по щеке. – Не нужно нервничать. Ничего ужасного я тебе не скажу. Все в пределах нормы...

– Может, начнешь излагать?!

– Ладно... Во-первых, он бросил пить. Бросил без всякого кодирования и лекарственных препаратов. Из чего я сделала вывод, что его запои носили несколько иной характер,

нежели у обычных алкоголиков. Это не было проявлением слабости или болезни с его стороны, это была своеобразная акция протеста, направленная, разумеется, в твой адрес. Потом что-то произошло. Уж не знаю, с тобой ли, с ним, но он бросил пить и через месяц устроился работать. Как думаешь, кем?

– Киллером, – думая о чем-то о своем, брякнула Эльмира и, тут же прикусив язык, поправилась: – Откуда мне знать?

– Ты почти угадала, дорогая. – Елизавета скрестила длинные ноги и сцепила на коленях пальцы рук. – Ночной клуб «Мериталь». Знакомое название?

– Еще бы! Там сейчас делами «дядя Гена» заправляет. Давний друг и соратник моего покойного папочки. Вечно стонущий, вечно жалующийся на нехватку средств. И тут же то яхту себе покупает, то клуб ночной. Глядишь, скоро полгорода под себя подомнет.

– Если уже не подмял... Так вот, твой Данила сначала был у него кем-то вроде секьюрити-вышибалы. Но в последнее время наш уважаемый «дядя Гена» сильно приблизил его к себе. Никуда без него не выезжает, даже в сауну твой благоверный его сопровождает.

– Но он почти все вечера дома проводит, – возразила Эмма, сильно сомневаясь в истинности своих слов. В конце концов, узкая полоска света, выбивающаяся из-под двери соседней комнаты, еще не свидетельствует о присутствии там кого-либо.

– Может, проводит, а может, и нет. Этот твой «дядя» тоже не очень любит погулять. У него жена молодая. Старую отправил к матери. А молодая очень даже преинтересная особа. Он и не очень стремится ее в свете показывать. Сиднем сидит дома. А там своя охрана...

– Ладно, господь с ним, с этим псом шелудивым. Ты мне лучше про Данилу поподробнее расскажи. Чего это его так приблизили, за какие такие заслуги?

– Вот о его боевых заслугах ничего не знаю! Но говорят, что он при этом бизнесмене человек по особым поручениям. Надеюсь, о характере поручений ты догадываешься...

Лиза еще что-то долго и нудно говорила. Открывала ей тайну первоисточника, словно это для Эммы в настоящий момент имело значение. Нет. На все на это ей было ровным счетом плевать. Ее сейчас донимали другие мысли. Терзали, изводили, снова и снова заставляя чувствовать себя виновницей всего, что происходило и происходит.

Ей было трудно, почти невозможно поверить, что Данила вновь взялся за старое. Что он, твердо обещавший ей никогда не возвращаться в прошлое, опять взялся за оружие. Что это – жажда крови или жажда мести? А если месть, то кому?..

– Лиза, ты уйди сейчас, – попросила она вдруг, когда у подруги поиссякло красноречие. – Не нужно за меня волноваться. Со мной все будет хорошо.

Если подруга и обиделась, то ловко это сумела скрыть. Пощетавав еще минут пять о ее красоте, которую даже послед-

ствия нервных припадков (!) не способны испортить, она облобызала Эмму в обе щеки и ушла. Ушла, оставив после себя стойкий запах французской косметики и ощущение надвигающихся глобальных перемен.

То, что они длятся вот уже полгода, Эльмира признавать не хотела. Она все еще искала возможные пути оправдания и своей холодности, и своей неприязни. Она все еще силилась убедить себя в том, что все ее тревоги напрасны, что в новом назначении Данилы нет ничего таящего в себе опасность. Она истязала себя подобными мыслями вплоть до следующего утра, но так и не смогла найти никакого решения. Выхода не было. Выхода из того тупика, в который она сама себя добровольно загнала, по наивности полагая, что это самый лучший жизненный расклад, не было и быть не могло.

– Три кровавых рубца... – шептала она, стоя в ванной перед большим зеркалом и разглядывая свою девственно чистую кожу в области левой груди. – Что это может означать?..

Глава 3

– Говоришь, кровь была? – Старая цыганистого вида женщина в яркой цветастой шали пощелкала языком и обреченно покачала головой. – Кровь во сне – это всегда к родне... Ножь – враги. А рубцы на сердце... Плохо дело, девонька. Плохо. Кабы раз тебе такой сон приснился, а то ведь много уже... Ну-ка расскажи мне еще раз...

Эльмира минут десять стояла в подземном переходе и пять из них жалела о том, что сдуру обратилась к гадалке, сидящей на складном стуле перед большим плакатом с надписью:

«Предсказываю будущее. Гадаю по картам. Отвожу порчу. Снимаю заговор. Расшифровываю сны».

Последняя фраза, выписанная в самом низу и от того более мелко, была ею увидена не сразу. Но стоило ей впериться глазами в эти скачущие по фанерному полю буквы, как ноги сами собой понесли ее туда.

Эльмира безропотно сунула две десятки в заскорузлую ладонь гадалки и долго и подробно рассказывала ей о преследующем ее сновидении. Вопреки ожиданиям, дешифратором женщина оказалась никудышным. Так, размытые фразы. Что-то о родне, неприятелях и грозящей ей опасности. Такого можно наговорить кому угодно и в контексте любого сна.

– Вы мне конкретно что-нибудь можете сказать? – начала она уже терять терпение.

– Могу... – Тетка пожевала сухими губами, поправила шаль и выразительно шевельнула большим и указательным пальцами. – Еще двадцатка.

Нужно было повернуться и уйти, но из какого-то непонятного упрямства Эльмира снова достала кошелек.

– Значит, слушай. Два рубца, что зажили, – это наверняка покойники. Были у тебя покойники? Двое должно было быть и непременно родня. Так были? Чего с лица спала?

– Были... – одними губами прошептала Эмма, вспоминая погибших родителей. – А третий? Тот, что кровоточил? Это к чему?

– А третий?.. Это значит, кто-то из родни скоро умрет. Жди и готовься.

– Но у меня больше никого нет. В смысле родни, – попыталась она застраховать себя от неприятностей перед бессердечной гадалкой. – Я осталась одна.

– А кольцо на пальце? Совсем очумела! Муж-то разве не родня?! Совсем очумела... А ты чего, касаточка, хотела узнать?! – заверещала она визгливо в сторону вновь подошедшей к ее плакату молоденькой девчонки. – Чего такие глазки грустные? Иди-ка сюда поближе, все расскажу...

Эльмира еле выбралась из гулкой духоты подземного перехода. Выбралась и почти тут же, как подкошенная, упала на первую попавшуюся скамейку.

«Скоро умрет... Муж... Жди и готовься...»

Слова этой неопрятной пожилой женщины могли бы показаться ей глупыми, пустыми, никчемными, если бы они не обрели вдруг истинный смысл. Эльмира и в соннике нашла нечто подобное. Но быстро пробежав глазами жутковатые строки о грядущем несчастье, перевернула страницу, чтобы побыстрее забыть. Сейчас же ей все это озвучили, чтобы она не смогла откреститься. Не сумела спрятать голову в песок, чтобы туда ушли все ее печали.

«Муж... Скоро умрет...»

– Господи... Что мне делать?!

– Девушка, вам плохо? – Кто-то тронул ее за плечо и участливо повторил: – Вы что-то шепчете и плачете минут десять. Может, вам помочь?

Она даже не увидела, кто к ней обращается. Лишь отрицательно покачала головой и, собравшись с силами, пошла куда-то. Она шла, не разбирая дороги. Шла, совсем забыв, в какой стороне оставила машину. Шла, не соображая, куда она вообще сейчас бредет. Натыкалась на спешащих людей, что шли навстречу. Натыкалась на их локти, плечи, животы. Слышала бранные слова в свой адрес и как бы не слышала их.

«Муж... Умрет...»

Нет. Ей нужно было срочно с кем-нибудь об этом поговорить. Иначе голова ее просто-напросто разорвется, как огромный воздушный шар, лопнет с гулким хлопком.

Будка таксофона на ближайшем углу зияла выбитыми стеклами. Порадовавшись отсутствию очереди, она быстро набрала номер Елизаветы и едва не расплакалась от облегчения, услышав ее певучее:

– Излагайте...

– Лизка, я, наверное, схожу с ума, – начала она со всхлипом. – Нужно поговорить.

– Ты где?

– Не знаю... На улице...

– Н-да... – Елизавета что-то пробормотала бессвязное и тут же, без переходов, отчеканила: – Быстро ко мне! Я одна. Времени в запасе пара часов у меня есть. Жду...

Она повесила трубку, не предоставив Эльмире времени и возможности поплакаться о своей несчастной доле. Зато, оказавшись в Лизкиной квартире, она оторвалась по полной программе...

Лиза, покинув родителей еще в отрочестве, жила в обкомовской пятиэтажке с трехметровыми потолками. Не особенно отягощаясь общепринятыми нормами морали, она наплевала на общественное мнение и много еще на что, поселилась в квартире своей бабушки, которую вскоре сумела выпроводить в небольшой опрятный домик в ближайшем пригороде. Бабуля особенно не роптала. Бурные молодые годы в окружении богемы (она всю жизнь проработала в костюмерной местного театра) настолько пресытили ее, что одинокая старость была ей только в радость. А Лизка, обосно-

вавшись на ее ста квадратных метрах, зажила припеваючи.

Она блестяще окончила институт, что было очень удивительно при ее-то насыщенном образе жизни. Наплевала на свою профессию и ударилась в коммерцию.

– Чего всегда и везде хотят люди?! – любила она вопрошать при их с Эммой редких встречах.

– Чего?

– Люди всегда хотят жрать, моя дорогая. А посему забота об их хлебе насущном и будет моей путеводной нитью в рай...

Осталось загадкой, что именно подразумевалось Елизаветой под раем, но жила она на широкую ногу, особенно не скрываясь. Шикарная машина. Великолепно обустроенные апартаменты. Дорогостоящие туалеты и... множество любовников, которых она покупала. Утвердившись в мысли, что все в этом мире имеет свою цену, она без особого трагизма восприняла и плач псевдо-Ярославны, в образе которой к ней явилась Эльмира.

– И что такого? – Лизка поддернула широкие рукава шелкового кимоно и скрестила руки под грудью. – Какая-то грязная, непромытая бабка налопотала ей с три короба, а она уже в истерике! Ох, Эмка, беда с тобой. То Данила тебе не нужен и ты просто мечтаешь о том, чтобы он убрался из твоей жизни. Потом ни с того ни с сего вдруг вспылала к нему чувствами и желанием, а когда он тебя отверг, едва его не убила. Не надо делать таких круглых глаз. Одна из ран на

шее была достаточно глубока. А если бы ты сонную артерию ему задела своими когтями, что тогда?!

– Будет тебе утрировать. – Эмма, растянувшись в полный рост на широком угловом диване в Лизкиной гостиной, печально вздохнула. – Тебе хорошо. Ты повелеваешь, тебе подчиняются. А он... Он мне денег предложил за то, чтобы со мной переспать. Я и обезумела.

– По-моему, безумна ты уже давно. Как твои предки на воздух взлетели, извини, то ты тут прямо и чокнулась. Вспомни... Ни с кем не встречалась. Никого видеть не хотела. Уединилась с этой Зойкой очкастой. Вернее, она тебя от всех оградила. Спрятала, чтобы дела свои темные завершить до конца... А Данила! Он, бедный, тебя со школы пас. Помню, как ты мимо него проходила с портфельчиком...

– Как?

– Не видя земли под собой, вот как! А он... Он едва не полз следом. А ты его не замечала. Потом, чудом просто, он тебя заполучил. Но и тут ты его на расстоянии сумела удерживать. Мужик и сломался.

– То есть? – Эмма обеспокоенно заворочалась, принявшись ковырять уцелевшим ногтем кожаную обивку дивана. – Как – сломался?

– Не порти мне диван! – прикрикнула на нее Лиза, усаживаясь в ногах. – Так и сломался. Что обычно с мужиками происходит, когда жены их презирают и игнорируют? Или запивают, или в загул бросаются, так?

– Пить он уже пил. Значит... Значит, теперь он гуляет... – Эмма рывком села и тут же вцепилась в плечи подруги. – Вот почему он сказал, что для всех он неженатый. У него кто-то есть?! Отвечай! Он мне изменяет!

– Да... нет! Отцепись! – Лиза высвободилась и с заметным неудовольствием в голосе пробормотала: – Вот ведь сумасшедшая, ей-богу.

– Лизка, не тереби мне душу! – взмолилась Эльмира. – Я к тебе шла за помощью. Эта гадкая женщина предрекла моему мужу скорую смерть, а ты...

– Нет у тебя мужа! – вдруг заорала на нее Елизавета ни с того ни с сего. – Нет давно! У него уже другая семья на соседней улице. Так что никакому мужу твоему ничего не грозит, потому что и мужа-то у тебя нет! Покопайся в запасниках памяти на предмет обнаружения близких или дальних родственников. Может, и отыщешь претендента на роль будущего покойника. А Даниле твоему ничего не угрожает, потому что он уже полгода не твой.

– А чей?

То, что говорила ей подруга, говорила зло, отрывисто, не щадя ее чувств, было неправдой. Это не могло быть правдой. Она же все эти пять лет... Господи, она же ни разу в другую сторону не посмотрела... Ни один мужчина не интересовал ее. Пусть и Данила не числился в персонах, достойных ее интереса, но ведь и других не было. Она была, есть и будет верной супругой. Они венчались в церкви, в конце концов...

– Я давала клятву, – прошептала Эльмира, глядя на Лизу полными слез глазами. – Мы вместе с ним давали клятву перед алтарем! Как же так, Лизка?! Как же так?! Он не мог... Он не должен был... Это нечестно!

Она кинулась на грудь к подруге и разрыдалась.

Всё против нее, всё и все. Дурацкие сны, не менее чудовищная реальность. Как же ей теперь жить?! Как смотреть на него? О чем говорить? Почему он это сделал? И почему именно сейчас? Сейчас, когда она вот-вот готова была попытаться начать с ним все заново? Сколько ударов уготовила ей судьба в эти несколько последних дней.

– Нечестно, – ворчливо пробормотала Лиза, поглаживая ее по вздрагивающим плечам. – А когда они с нами честно поступали? Все мужики – козлы. Это не нами с тобой придумано, а все бабы – стервы. Вот и будь стервой. Была же до этого, будь и сейчас.

– Я не была! – попробовала опротестовать ее слова Эльмира, заливаясь пуще прежнего слезами. – Я ему не изменяла никогда! Пусть не любила, но и не изменяла! А он!.. Мало того что снова подался в шестерки, так теперь еще и это...

Она вдруг отпрянула от подруги. Быстро оттерла глаза тыльной стороной ладони и, хищно прищурившись, прошипела:

– Я убью эту сучку! Кто она?! Где, ты говоришь, она проживает? На соседней улице? Я пойду туда!.. Я!..

– Что ты? Что?! – Лиза почти презрительно фыркнула. –

Что ты скажешь ей, этой девочке? Что пять лет посылала своего мужика на хрен, а теперь вдруг возжелала его? Она тебе у височка пальчиком своим покрутит и... будет права, между прочим. Эмка, тебе давно пора определиться в своих чувствах и мыслях. Вот мне ты сейчас скажи, как на духу: чего ты хочешь?

– Я хочу вернуть мужа, – твердо ответила Эльмира, сама поражаясь своей решимости.

– Оно тебе надо? – Лиза недоверчиво ухмыльнулась. – Самолюбие, конечно, вещь хорошая, но не наломала бы ты дров. А если он к тебе все же вернется, где гарантия, что ты заново не встанешь в позу Снежной Королевы? Не заставишь весь мир крутиться вокруг себя? Ты знаешь, при всем моем хорошем к тебе отношении я Данилы тебе простить не могу. Ты во всем виновата. Ты, и только ты. И хватит рыдать. Давай-ка лучше что-нибудь приготовим себе поесть. Ты, кстати, когда ела последний раз?

– Не помню, – машинально ответила Эмма, почти не слыша ее вопроса.

– Вот и ладненько. Идем на кухню, постряпаем...

Она почти силой стащила Эльмиру с дивана и повела на кухню. Там, как и во всей квартире, богато, стильно и неопрятно. Лиза при всей ее требовательности к шику была жуткой неряхой. На обеденном столе успевшие застыть потеки кофе и чего-то ярко-лимонного. Раковина переполнена грязной посудой. На спинке стула висят ее чулки. Под ним

же левая туфля с отсочившей набойкой.

– Лизка, – Эмма укоризненно покачала головой. – Ну ты знаешь...

– Да ладно тебе! – Она беспечно махнула рукой. – Домработница в декрет отпросилась. Чего же мне делать было? Удерживать ее, пока она у плиты не разродится? Найму кого-нибудь. Уберут.

– Когда?! У тебя здесь скоро ступить будет негде! Давай приберем, что ли. Все занятие. Может, полегче станет...

Легче ей, конечно же, не стало. Сколько она ни мыла, ни чистила, ни выметала из всех углов огромной Лизкиной кухни, на душе по-прежнему скребли кошки. Представить себе Данилу в объятиях другой женщины было еще страшнее, чем вновь представить его исполняющим роль «посланца по особым поручениям». *Только ей одной было известно, что скрывали под собой эти слова.*

Да, Лизвета знала, что Данила был участником чеченской войны. Знала, что он чудом вырвался из окружения, оставив на поле боя почти всех своих друзей. Но ей было известно и то, что, вернувшись, он попал в куда более ужасающую неволю. Он попал в руки страшного человека, возмнившего себя вершителем тайного правосудия, создавшего клуб контрактников, подпольно выполняющих роль наемных убийц по его заказу. С виду все было безобидно и почти невинно. Пожилой человек, служащий госдепартамента, дает работу бывшим воинам. Это приветствовалось, поощ-

рялось и материально стимулировалось. На самом же деле этот выживший из ума человек проводил зачистку неугодных ему людей. Да, у него имелись личные враги: ушедший от правосудия насильник или наркоделец, умело прятавший концы в воду. То, что его действия были противозаконными, противоестественными и бесчеловечными, он не хотел признавать. Как не хотел признавать и того, что делает убийцами молодых ребят, вкладывая в их руки оружие и вдалбливая им в головы идею правомочности их миссии. После его смерти Данила остался не у дел, клятвенно заверив при этом Эльмиру, что с прошлым кровавым «правосудием» покончено раз и навсегда. Она с трудом, но поверила. Прошедшие пять лет были ярким свидетельством того, что он верен своей клятве. И тут вдруг она узнает о его особом положении при «дяде Гене». Что это может означать? Только одно из двух: либо он клятвопреступник, либо считает себя свободным от всех обещаний и обязательств по отношению к ней. А это уже беда.

Но это была беда под номером один. Беда номер два была, по ее мнению, куда более ужасной. Последствия ее были необратимыми, обрекающими ее на полное одиночество и невостребованность.

Встряхни кто-нибудь в этот самый момент Эльмиру и напони, что она сама не далее как год назад жаждала одиночества, которого теперь так страшится. Невостребованность ее тоже надуманная и происходит от ее же собственной ле-

ности. В неполные-то тридцать лет, с ее-то красотой и положением, страдать от недостатка мужского внимания?! Вздор! Просто завязывать с кем бы то ни было знакомство, которое потом, возможно, перейдет в фазу длительных серьезных отношений, было для нее обременительно. Она никого и ничего не хотела. Кроме... Кроме Данилы.

Да! Как только он стал для нее недоступным и недостижимым, она его возжелала. Она могла поклясться, что чувство ее к нему по силе своей сравнимо с тем давним и застарелым, которое она тщательно ото всех скрывала и которое старалась забыть. Такое с ней случилось лишь однажды в жизни и, закончившись полнейшим фиаско, оставило в душе глубокий рубец...

– Эмка! – Лиза сердито смотрела на подругу, которая уже минут пять водила тряпкой по абсолютно чистому боку супницы. – Ты оглохла?! Отвлекись хотя бы на минутку от своих мыслей.

– Чего тебе? – Она покорно отдала отчего-то осерчавшей Елизавете посудину и, оглядев кухню, довольно произнесла: – Ну вот, теперь, кажется, полный порядок. А то развела тут свинарник, понимаешь... Мне пора идти.

– Как – пора?! Мы еще не пообедали! К тому же я перенесла свою встречу, и у меня весь вечер свободен. – Лиза решительно преградила ей путь к выходу. – Не пущу. Будешь сейчас дома в одиночестве метелить всякую лабуду в голове, плакать начнешь. Ни к чему это все! Побудь у меня.

– Не буду, честно. – Эмма даже руку к сердцу приложила, искренне полагая, что сможет сейчас окунуться с головой в работу, полагая, что ее почти недельное отсутствие наверняка нанесло ущерб делу. – Поеду поработаю.

– Вот-вот, поработаю. А то у тебя работать некому. Целый штат сотрудников. У тебя секретарь полноценного директора стоит. Ты бы лучше... Хочешь совет бесплатный? – Лизка сощурила прехитрющие глаза.

– Валяй. – Эмма все же прорвалась к выходу и, чтобы не передумать, быстро-быстро облачилась в сапоги и плащ. – Только побыстрее. Мне еще тачку свою надо разыскать. Где бросила, черт его знает. Придется вспоминать... Так что за совет?

– Трахнись с кем-нибудь, а?! – умоляюще пробормотала подруга и к вящему удивлению обеих покраснела.

– Чего?!

– Найди себе кого-нибудь прямо сейчас. Вот идешь по улице или едешь. Останови первого встречного и предложи ему себя. Я иногда так делаю, когда на душе паскудство скребет. Знаешь, какая терапия!!! Ты с ним больше и не увидишься. Тебе же будет плевать, что он о тебе подумает: пропадающая ты, продажная или еще какая. Обезопась просто себя контрацептивами, и все – в путь!

– Лизка, это не я, а ты сумасшедшая. – Эльмира, удивленная смущением подруги, улыбнулась. – Предлагать мне такое! Ты точно свихнулась. Я же в этом отношении старо-

модна, как... как бабушкин капор. Мне подавай ухаживание, вздохи под луной и так далее, и тому подобное. А ты: встретить, сними, трахнись.

– А что такого-то?! Некоторые бабы себе по телефону мужиков вызывают, деньги по квитанции платят и не краснеют, между прочим, а ты все из себя корчишь недотрогу.

– Почему корчу? Я такая и есть.

– Ладно тебе, – Лиза недоверчиво хмыкнула. – Что у тебя, мужиков, что ли, не было?

– Был. – Эмма снова почувствовала, как в носу и в глазах у нее защипало от надвигающихся слез. – Был первый и последний: Данила. Больше никого.

– Ох, господи! – Лизка метнулась к ней и крепко обняла. – Прости меня, Эммочка, прости дуру. Я же не знала... Представляю, как тебе больно. Прости...

– Тебя-то за что? Ладно, пойду я.

Она вышла на широкую лестничную клетку с выщербленными мраморными плитками пола. Махнула на прощание Елизавете рукой и пошла вниз.

– Эй, – вдруг окликнула ее подруга. – А ты все-таки послушайся моего совета. Не пожалеешь...

Глава 4

«Пожалею, не пожалею... Пожалею, не пожалею... Пожалею, не пожалею...» Мысли лихорадочно гвоздили в виски, делая изображение расплывчатым и нечетким. Эмма медленно приближалась к нему. «Господи! Разверни меня обратно! Пусть ноги мои отсохнут и сама я провалюсь под землю...»

Но ноги ее ступали твердо и грациозно. Внешней невозмутимости могли позавидовать многие. Губы были сложены в загадочной улыбке, которая никому бы не показалась нервическим подергиванием.

– Не занято, молодой человек? – Остановившись у дальнего столика первого открывшегося в городе после зимы летнего кафе, Эльмира склонила чуть набок головку и еще раз повторила: – Не занято?

Если он и удивился ее навязчивости (все остальные двадцать столиков пустовали), то никак не дал об этом знать. Свернул газету, чтением которой развлекал себя. Швырнул ее на стол, уложил на нее локти и гостеприимно указал на стул рядом с собой.

– Прошу. Лучше сюда, пожалуйста, поближе ко мне.

Начало было обнадеживающим. Эмма присела рядом и, почти не скрывая своих намерений, пристально уставилась на незнакомца.

Ей удалось его заметить с того места, где она припарковала утром и где потом отыскала машину. Молодой человек, с виду двадцати пяти – двадцати восьми лет, в длинном темном пальто, сидел в полном одиночестве под цветным балдахином и читал газету. Длинные белокурые волосы его разметал весенний ветер, весьма и весьма свежий, между прочим. Светлое пестрое кашне. В тон ему брюки. Ботинки на толстой зимней подошве. Это она рассмотрела с дальнего расстояния. Сейчас же ее наблюдения пополнились новыми портретными данными.

Он был полной противоположностью ее Данилы. Может быть, именно поэтому выбор ее остановился на нем. Светлые длинные волосы. А у Данилы темные, это сейчас он их отрастил, раньше же носил коротко стриженными.

Глаза нежно-лазоревого цвета. Именно лазоревого, потому что никакое другое сравнение ей не пришло в голову в тот момент. А у муженька грязно-мутно-серые. Даже в дни абсолютной трезвости взгляд его был непроницаем из-за этой затуманенной мутности.

Кожа... Пожалуй, кожа была у них схожей. Во всяком случае те места, которые были сейчас досягаемы ее взору. Но вот руки!.. Пальцы рук молодого человека были великолепны. Аристократизм, сила, утонченность, да что угодно таили в себе эти прекрасные ухоженные пальцы.

У нее совершенно вылетело из головы то, что Данила получал ссадины, мозоли и порезы, вкалывая на стройках и ша-

башках. Она просто впиалась глазами в эти пальцы, отбивающие такт по газетному листку. Представила их скользящими по своей коже...

– Идем! – вдруг властно произнес незнакомец. Встал с места. Вытянул вперед руку и призывно шевельнул пальцами. – Идем.

Она даже не спросила куда. Просто встала и пошла за ним. Поплелась жертвенной овцой, хотя выбор ее был абсолютно добровольным. Или не было выбора? Была рискованная авантюрная выходка с ее стороны, на которую она не возлагала никаких надежд, полагая, что она ни во что не выльется. Отчего же она тогда сейчас покорно идет за ним? И куда?!

Администратор за гостиничной стойкой не задал ни единого вопроса. Молча принял деньги из рук молодого человека. Так же молча сунул им ключ с номером девяносто два и указателем третьего этажа. И, не сопроводив свой жест ни единым словом, махнул рукой в сторону лифта.

Они в молчании доехали до третьего этажа. Прошли по коридору и остановились перед белой дверью с позолоченным номером. Он вставил ключ в замок. Распахнул дверь и, пропустив ее впереди себя, зашел в номер и запер дверь.

Комната была одна. Широкое, во всю стену, окно. Широкая – почти от стены до стены – кровать, накрытая пушистым пледом нежно-изумрудного цвета, пара тумбочек. Шкаф-купе для одежды и слева от него дверь в туалет и душ.

Эльмира застыла на месте, совершенно не понимая, зачем

она здесь. Что она здесь делает?! Как она могла прийти сюда? В этот гостиничный номер, который наверняка служит для таких вот свиданий с дамочками определенного типа. Она-то не такая!

А он?! Кто он такой? Гостиничный жигало или одинокий скиталец, мятущийся в поисках родственной души? А может... может, он извращенец с маниакальными наклонностями?!

– Господи! – Кажется, она прошептала это вслух и сделала робкий шаг назад.

На большее у нее сил не хватило. Ни на слова, ни на действия. Она снова застыла в молчании, не в силах отвести взгляда от этой широкой кровати. Она даже не видела, а скорее угадала, как он обошел ее, замерев за ее спиной. Она слышала его дыхание. Нормальное в принципе дыхание. Без нервозности, без сдавленности. Ровное, может, лишь слегка учащенное.

Потом его руки опустились ей на плечи и слегка сжали их.

– Ничего не бойся, – попросил он еле слышно с удивительной для такой ситуации нежностью. – Я не обижу тебя...

Вот!!! Вот что было для нее главным, оказывается! Вот от чего корчилось и стонало все у нее внутри. Ее обидели. Ее страшно уязвили в святая святых – в ее целомудрии.

Ее верность... Она даже слегка кичилась этим. Каким бы непереносимым ни был ее супруг, она хранила ему верность. Она дала ему клятву и была горда тем, что верна ей. А он

наплевал на все. Он растоптал все это. Безжалостно, хладнокровно, походя. Он нанес ей удар, болезненность которого была несоизмерима с тем, что она сейчас собирается сделать. А она сделает это. Обязательно сделает. Она не пустится трусливо наутек из-за того, что это аморально. Она позволит этому красавцу совершить с собой все, что он захочет, потому что ей просто необходимо знать, что она еще желанна. Что ее хотят как женщину. Что она может нравиться, в конце концов, даже таким вот типам...

Он не был извращенцем, и жигало тоже не был. Он был восхитительным, нежным и тактичным мальчиком. Она так ему и сказала, хотя по возрасту они наверняка были ровесниками. У нее это получилось в несколько снисходительной манере, но он не обиделся. Просто склонился над ней и снова принялся целовать.

– Боже, что ты делаешь?! – простонала она, вновь откидываясь на сбившиеся простыни, хотя как раз собиралась встать и пойти в душ. – Прекрати сейчас же... Мне уже пора...

Расстались они часом позже. Не сказав друг другу и десятка слов. Не назвав друг другу своих имен и... не заплатив друг другу за услуги.

Эльмира, кстати, долго ломала голову: платить ему или нет. Когда одевалась, нарочито небрежно распахнула сумочку – и из нее выскользнул кошелек. Он никак не прореагировал. Даже помог ей поднять его и положить обратно в сумку.

Это было удивительно, против тех правил, о которых ей частенько рассказывала Лиза.

Они вместе вышли из номера. Вместе сдали ключ портье. Вместе спустились по ступенькам крыльца, и лишь затем она повернула в противоположную от него сторону. Он чуть придержал ее за локоть. Скользнул губами по ее щеке. И она скорее угадала, чем услышала его короткое обнадеживающее: «Увидимся!»

Эльмира не рассказала о нем никому. Ей, собственно, и рассказывать-то было особенно некому, но и Лизке она тоже ничего не сказала. Хотя та всячески подбивала ее на адюльтер и, встретившись, поразила ее отчаянно блестящим глазам, Эмма скрыла от нее свое романтическое randevu.

– Это больше никогда не повторится. Никогда... – шептала она, укладываясь той ночью в свою одинокую постель. – Я никогда не пойду туда снова и не увижусь с ним больше.

Но она пошла.

Он был на прежнем месте. Ей даже показалось, что в его руках тот же самый номер газеты. Он смотрел на нее и улыбался одними глазами. Затем встал и пошел чуть впереди нее.

Все было точно так же, как и в предыдущий раз. Номер гостиницы. Жадные ласки. Сдавленные стоны. Прощание почти без слов. И затем... жажда новой встречи.

Эльмира никогда бы не могла подумать, насколько целесообразным для нее окажется ее грех. Он испепелял ее дотла –

это бесспорно, но он и исцелял ее. Она забывала обо всем. Ей было жутковато ощущать себя такой легкомысленной, необремененной условностями и такой распутной. Ей было непривычно его присутствие. Такого сильного, немногословного и всепонимающего.

Однажды, это случилось в канун первого июня, она лежала на широком гостиничном ложе, широко раскинув руки. Слушала шорох воды в душе, жадно ловила каждое его слово из-за двери и вдруг ни с того ни с сего поймала себя на мысли, что никуда не хочет уходить отсюда. Хочет продлить это мгновение. Хочет парить беззаботно над окружающим миром. Хочет плыть на этом гостиничном ковчеге со скомканными страстью простынями куда глаза глядят, забыв всех, кто был прежде рядом с ней.

– Давай уедем, – одними губами предложила она ему, когда он опустился рядом с ней на кровать. Крепкое, влажное после душа тело прижалось к ней, даря ей безмолвное согласие. Но она все же решила уточнить, чуть повысив голос до громкого шепота: – Давай уедем...

– Да, – покорно ответил он, прижимая ее к себе. – Все, что захочешь...

Господи! Она была бы с ним счастлива. Она непременно была бы с ним счастлива. Она бы даже полюбила его, если бы ей отвели на это время. Ведь им же было хорошо вдвоем. Пусть немногим хуже врозь, но, будучи вдвоем, они сливались в единое целое. Почему у нее снова отняли надежду,

которая лишь забрезжила на горизонте?! В чем ее грех перед небом?! Неужели, одарив ее частью своих благ – редкостной красотой и достатком, – Господь лишил ее одной-единственной, самой главной благодати – быть счастливой?!

...Он больше не пришел.

Ни через день, ни через неделю, ни через месяц. Эльмира как заведенная ходила в это кафе и часами просиживала там за столиком, ломая голову над дилеммой: бросил он ее или с ним что-то стряслось. Она примелькалась уже всему обслуживающему персоналу и завсегдатаям этого кафе. Она снова перестала заниматься магазинами, наняв нового директора и перепоручив ему ведение всех своих дел. Она даже пропустила тот момент, когда Данила вдруг снова объявился в соседней комнате. Она все пропустила. И едва не пропустила эту статью в газете. Вернее, пропустила. Это потому бегала как сумасшедшая по киоскам и скупала все издания в надежде почерпнуть там какие-то новые сведения. Но они были скудны. Так же скудны, как репортаж местного криминального канала, оповестившего о найденном обезображенном трупе молодого мужчины, скончавшегося приблизительно две недели назад в результате огнестрельного ранения в голову.

Она отчего-то сразу напряглась, увидев мелькание деревьев в камере оператора. Вцепилась в подлокотники кресла, когда крупным планом показали то место, где был обнаружен труп мужчины. И лишь когда следователь по особо важ-

ным делам настоятельно попросил всех возможных свидетелей позвонить по такому-то телефону и показал часть вещей покойного, она с глухим стоном отпрянула от экрана.

Это были его часы. Это был его медальон: странноватый дельфин, больше похожий на электрического ската. И это была его зажигалка в виде сфинкса, привезенная кем-то из его друзей из Египта.

Передача давно закончилась. По экрану побежали титры нового российского сериала, а она все сидела и, скривив рот в беззвучном крике, таращилась в экран телевизора.

Данила возник за ее спиной почти бесшумно. Обогнул кресло. Наклонился к ней и с явной озабоченностью в голосе спросил:

– Что с тобой?

– Что? – Она отпрянула от неожиданности, сильнее вжимаясь в спинку кресла. – Оставь меня!

– Я не претендую, но... Ты кричала... – Он отошел от нее, чуть постоял у окна, что-то рассматривая на улице. И вдруг ошарашил ее новым вопросом: – Ты давно узнала?

– Аа-а... о чем? О чем я могла узнать? – Предмет разговора был ей неясен. Вариаций могло быть сколько угодно, поэтому она решила себя обезопасить, сказавшись непонимающей. – Я не понимаю тебя...

– Об Аленке ты давно знала?

Ох, вот оно что! Об Аленке... Сколько нежности во взоре, просто нерастраченной какой-то нежности. Тепла в голосе –

можно Антарктиду растопить, мать его... Подумать только! Не много времени ему потребовалось, чтобы его любовь к супруге истаяла и ей на смену явилось новое чувство, по силе своей ничуть не уступающее прежнему.

– Да, давно.

– И??? – Он был поражен или умело притворился сраженным наповал.

– Что – и?

– Рада? – Он хищно затрепетал ноздрями.

– Чему рада? Твоему скотству или твоему выбору? – Эльмира устало поднялась и двинулась к себе в комнату. – Извини, мне не до твоего б...ства. Я устала.

Он зверем метнулся за ней следом. Ухватился, просто впился пальцами в ее предплечье и так мотнул ее к себе, что Эмма еле-еле на ногах удержалась.

– Какого черта?! – начала было она, но тут же осеклась, рассмотрев как следует выражение его лица.

Оно не было искажено гневом, нет. Оно было им просто изуродовано. Оно превратилось в маску, при виде которой бросает в дрожь. Смертельная бледность щек, закушенные побелевшие губы, дикий отсвет в замутненных болью глазах. Да, она могла поклясться, что в его глазах была боль.

Эмма даже поначалу отнесла это болезненное мерцание на свой счет. Где-то даже в подсознании порадовалась, что сумела-таки отомстить за свою попорченную верность. Но она ошиблась. Поняла это, стоило ему открыть рот.

– Скотства, говоришь?! – сдавленно прошипел Данила, словно задыхался от невидимой удавки, наброшенной ему на шею. – Устала?! Подлая! Подлая маленькая дрянь! Ты!.. Только ты во всем виновата!!! Ты и твоя гнусная кровь, что течет вот по этим жилам...

Он сместил свои мозолистые ладони ей на шею и слегка сдавил.

– Как бы мне хотелось удавить тебя, дорогая женушка! Если бы ты знала!.. Чтобы не было больше ничего: ни этого дьявольского тела, ни этих губ, ни этих лживых глаз. Удивлена?! Думала, что я по-прежнему схожу по тебе с ума?! Нет, дорогая... Все прошло. Все! Я теперь тебя... – Он все сильнее и сильнее сжимал руки на ее шее, просто заходясь в восторге от ее сипа, от ее попыток разжать его пальцы. – Я ненавижу тебя, сучка! Я тебя просто ненавижу!!! Ты...

Он вдруг резко отпустил ее, одновременно отскочив в сторону. Обхватил руками голову и, постанывая, сполз по стене на пол. Эльмира не знала, что и делать. Вопить о нанесенном ей физическом оскорблении смысла не было по двум причинам. Во-первых, у нее напрочь пропал голос, после того как ее горло побывало в его железных пальцах. А во-вторых, она ровным счетом ничего не понимала.

Мелькали, правда, в голове смутные подозрения о том, что Данила ее в чем-то пытается обвинить. Но то, что ей в вину вменяется ее адюльтер, было маловероятно. Что-то здесь было не так. Что-то не складывалось. Ну, ненавидит он ее,

кто же мешает. Пусть себе ненавидит сколько угодно. Зачем же руки распускать?! И почему она вдруг стала подлая? То продажная, то подлая. Нет, с этим определенно нужно было заканчивать...

– Ты придурок? – сипло поинтересовалась Эльмира, поглаживая моментально вспухшую кожу. – Чего тебе от меня нужно? Любишь свою девку и люби...

– Она не девка!!! – оборвал он ее на полуслове непомерно высоким голосом. – Она... Она была для меня всем... Всем, чем ты стать не пожелала, аристократка гребаная!

Ах, вот в чем дело! Эльмира приосанилась и вернулась в свое кресло. Уселась в него и, отключив звук телевизора, воззрилась на мужа.

Так, так, так. Парню снова разбили сердце. И если она сама, не проявив по отношению к нему должной любви, ласки и заботы, пребывала теперь в «подлых, маленьких дрянях», то Елена Прекрасная оставила после себя добрую, славную память.

Стоп!..

От этой незначительной, ненароком и вскользь проскочившей мыслишки ей едва не сделалось дурно. Нет, этого не может быть! Это вздор! С какой стати это должно было случиться с продавщицей бакалейного отдела соседнего супермаркета?!

– Данила! – Эмма позвала его как можно громче, насколько позволяло ее травмированное горло. – Данила, посмотри

на меня немедленно!

Он уронил руки вдоль туловища и поднял на нее глаза. Да, видать, крепко парня зацепило – плачет. Плачет скупыми, стыдливвыми слезами. Такое она уже с ним проходила и знает, что причина должна была быть весьма и весьма серьезная...

– Что с ней?! Что с этой девочкой, которую ты трахал все это время?!

– Я ее не трахал! Я ее любил! – прокричал он, с лютой ненавистью глядя на нее. – Я ее боготворил! Она была... Пусть у тебя до меня никого не было, но ощущения чистоты никогда с тобой не было, а она... Она была святая!..

– Почему была? – уже более спокойно поинтересовалась Эльмира, злясь на себя за неприятный холодок в груди при дифирамбах в адрес соперницы.

– Ее больше нет... – печально оповестил Данила и снова уронил голову.

– Она тебя бросила? – Опять то же ощущение, но теперь в саднящем горле. Ишь ты, сколько горечи в голосе и взоре у муженька, по ней бы так, должно быть, не убивался бы...

– Она бы никогда этого не сделала, поняла?! Она любила меня! Любила! Тебе не понять, что это такое! Твоя любовь... Она... – Он, конечно же, хотел припомнить ей ее прошлое, того парня, что сводил ее с ума одним своим существованием на белом свете. – Она была извращенческой, твоя любовь!

– Почему ты так считаешь? – Этому она не могла не по-

дивиться.

Ну рассматривала она объект своего интереса в подозрительную трубу, и что с того? Он жил в доме напротив, и окна его были как на ладони. Что же, ей нужно было слепнуть всякий раз, когда она к окну подходила? К тому же после смерти родителей она никому почти не доверяла и, влюбившись в этого паренька, должна была удостовериться, что не вляпается в дурацкую историю, доверившись ему. Хотя все равно вляпалась...

– Потому! – с опозданием окрылся Данила. – Отстань от меня!

– Интересное кино! Ты кидаешься на меня, начинаешь душить, оскорбляешь. А потом вдруг такой финал! Нет, дорогой... – Она нарочито сделала ударение на последнем слове. – Уж выкладывай, что там с твоей пассивной ненаглядной приключилось.

– Ее убили...

Данила затравленно заозирался по сторонам, сильно походя при этом на душевнобольного человека. Хотя кто сказал, что душа его здорова...

– Как?! – Она попыталась изобразить удивление, хотя что-то подобное и ожидала услышать. – За что?

– Откуда я знаю?! Если бы знал... Если бы я только мог предостеречь ее... – Он снова уткнулся лицом в ладони, и плечи его задрожали.

– И как давно это случилось?

– Месяц назад. Она возвращалась с ночной смены одна.

– А тебя где черти носили? Пардон, конечно, но мог бы и встретить любимую! – Боже, сколько злорадного сарказма в ее голосе. Неуместно это было, совсем неуместно. Но разве удержишь ситуацию на поводе, когда твой муж плачет по невинно убиенной сопернице... – Где прохлаждался, пока твою Аленку...

– Заткнись лучше! – Данила выбросил в ее сторону руку и сильно сжал пальцы в кулак. – Не дразни меня, дрянь!.. Я работал.

– Кого? Кого работал на сей раз, дорогой? Снова за старое?

– Дура! С высшим образованием, с положением в обществе, а дура-дурой... Наш с тобой общий знакомый возжелал прокатиться в загородный домик и счел невозможным иметь в сопровождении всего лишь одного домашнего охранника. Вот той ночью ей и пришлось одной идти домой. Ее нашли утром... Она истекла кровью... Ее невозможно было узнать... Все лицо, оно было таким... таким детским, наивным, славным... Его просто не стало...

Далее задавать вопросы охота пропала. Она никогда не считала себя уродиной, да и посредственностью тоже, но при этих его словах вдруг закомплексовала. Славное... Ишь ты! Что же такого в ней было славного, в этой его Аленке, что мужик почти свихнулся от горя?

– Ей выстрелили в лицо, Эмма! Представляешь?! Ей – мо-

лоденькой двадцатилетней, безобидной девчужке выстрелили в лицо из пистолета тридцать восьмого калибра... Это только в кино красиво убивают, а в жизни... Ей снесло половину черепа и напрочь снесло лицо. Боже, это было жутко...

– Прекрати ныть! – Эльмиру вдруг обуяла такая злоба, что впору было рвать на себе волосы. С чего бы это?.. – Не ты один лишился любимой. У меня тоже... Тоже кое-что случилось.

Впервые с момента их встречи ей удалось привлечь его внимание. Впервые в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес к ее персоне. Не то, что было раньше, но что-то все же мелькнуло.

– Что ты этим хочешь сказать?!

– Я собиралась уехать отсюда. Уехать навсегда, – начала она осторожно, внимательно отслеживая его реакцию. – Была определенная договоренность...

– С кем?!

Вот тебе раз! Только что оплакивал погибшую, и тут же ревностные нотки в голосе. Ну-ну, что-то будет дальше...

– С одним молодым человеком, – пояснила Эмма, вдруг запаниковав: начини сейчас Данила задавать о нем вопросы, она ничего не сможет ему сказать. И вовсе не оттого, что не хочет, а потому, что не знает, что ответить. Все, что она знала о том, другом, так это только его имя. – Его звали Саша.

– Саша, значит?! И кто такой этот Саша?! У тебя с ним что-то было?! Что?! – Все это скороговоркой, не давая опом-

ниться. – Где ты его подцепила, дрянь?! Я же всегда знал, что ты дрянь! А ты, оказывается, еще и...

– Остановись или не услышишь больше ни слова. – Довольная произведенным эффектом, Эльмира тем не менее ловко изобразила негодование. – Или как там в вашей среде говорится: следи за своим базаром.

Повисло молчание. Они неотрывно смотрели друг на друга. Причем взгляд Данилы несколько изменился. Словно по волшебству, из него исчезла слезная поволока. Глаза моментально просохли и злобно засверкали.

– Говори! – потребовал он минут пять спустя, когда Эмма уже устала ежиться под его метущимся взглядом. – Что там твой Саша?!

– Его тоже убили. Я... Я узнала об этом только что. Я ждала, он не пришел. Думала, что все кончено. Сегодня смотрю телевизор, а там репортаж. Нашли тело молодого мужчины. Убит предположительно две недели назад выстрелом в голову. Показали его вещи...

– Ты их узнала? Поэтому закричала, когда я был в кухне? Да, поэтому... – Данила сместился к ней поближе, но все еще продолжал стоять, не отваживаясь сесть на соседнее кресло. Оно стояло слишком близко, настолько близко, что они обычно касались друг друга коленями, усаживаясь в них. – Чем он занимался? Кто он по профессии? Где жил?

– Я... не знаю. – Она выдержала его уничижительный взгляд спокойно и даже почти с прежней высокомерной ин-

тонацией воскликнула: – И что с того? Когда мужчине и женщине хорошо друг с другом, для этого не требуется узнавать анкетные данные или наводить справки о родословной...

Он все же сел напротив. Сел, тут же обхватив ее колени широко расставленными своими. Оперся кулаками в подлокотники ее кресла, отрезая ей все возможные пути к бегству.

– А тебе с ним было хорошо?!

Эльмира была почти уверена, что услышит нечто подобное. Это происходило не с ним с первым, это было не ново и почти предсказуемо. Сейчас пойдут вопросы о сексуальных возможностях ее партнера, параметрах и прочем. Слезы по погибшей теперь отошли на второй план. Это теперь скрыто от посторонних глаз в тайниках души, чтобы наедине с самим собой извлечь и посмаковать свое горе. Теперь на повестке дня стояла другая проблема. Проблема ее неверности.

– Очень.

Она не могла отказать себе в приятности уколоть его побольнее. В конце концов, она достаточно терпеливо выслушивала хвалебные оды в адрес неведомой ей Аленки, пусть теперь послушает он.

– Ты не можешь себе представить, – начала она, зорко отслеживая его реакцию, – насколько мне было хорошо с ним. Он необыкновенный. Он сильный. Он... никогда и ни о чем меня не спрашивал, не упрекал. Это было как сон...

Она проглядела. Она все же проглядела его руку, змеей взметнувшуюся к ее шее и вновь с силой перехватившую ей

дыхание.

– Я всегда знал, что ты сука. – Данила произнес это почти спокойно, почти без эмоций. Только глаза потемнели пуще прежнего, а в остальном все в норме. – Дешевая, грязная сука, невзирая на твое аристократическое происхождение.

– Отпусти, – просипела Эмма, впиваясь ногтями ему в запястье. – Не веди себя как идиот! Сначала спрашиваешь, потом оскорбляешь... Где логика, дорогой?

Данила убрал руку с ее шеи, по ее небезосновательным подозрениям, с большим трудом убрал. Куда как приятнее чувствовать пульсацию ее сонной артерии под пальцами и осознавать, что все теперь в твоей власти. Даже эта непонятная, коварная и гадкая женщина.

Они несколько минут пристально разглядывали друг друга. Не говоря ни слова и никак не выдавая своих чувств. Просто молча сверлили друг друга взглядами и ждали, кто же из них двоих окажется менее терпеливым.

Первым не выдержал испытания Данила.

– Ну и... – Он не изменил позы, продолжая все так же сидеть, стискивая ее колени своими ногами. Единственное, что он себе позволил, так это облокотиться о спинку кресла. – И что же дальше?

– А все. Что еще? Он не пришел. Оказывается, он погиб. Поэтому у меня, так же как и у тебя, имеются вполне объективные причины для того, чтобы впасть в эмоциональное неистовство.

– Ага, теперь это так называется. Понятно...

Что-то в его глазах снова дрогнуло и заметалось. Но на сей раз как-то потерянно и отрешенно. Пусть это продолжалось всего лишь мгновение, но Эмма уловила в нем перемену. Да, да, было очевидно, что атмосфера утратила былой накал и несколько потеплела.

– И ты пребываешь сейчас в этом самом эмоциональном неистовстве? Так? – Голос, несомненно, тоже утратил металлический отзвук. Даже появились его прежние оттенки.

– Приблизительно. – Эмма решила быть поосторожнее. Шея настолько саднила, что в очередной раз позволить Даниле вцепиться в нее было бы непростительной глупостью.

– Так, так, так... Значит, он вот уже две недели как мертв?

– Приблизительно.

– И столько же времени ты находишься в горестном неведении?

– Да, то есть нет. Он исчез месяц назад. Сразу после того, как мы договорились об отъезде.

Господи! Что она несет?! И кому решила поплакаться в жилетку?! Даже ей самой ее слова кажутся сейчас наивным бредом, какой же реакции ждать от него?!

Но, на удивление, Данила отреагировал в абсолютно не свойственной ему манере, что не позволяло судить о степени его успокоенности. Он почти дружеским жестом шлепнул Эльмиру по голой коленке, следом потрепал ее по щеке и, словно только что не проклинал ее и не желал ей смерти,

пробормотал:

– Кинули тебя, малыш, это ежу понятно. Кувыркался с тобой паренек, покуда было ему необременительно, а как дамочке захотелось серьезных отношений, он и слинял.

– Нет! – Возглас вырвался у нее едва ли не против воли. Эмма понимала, что в его словах есть доля истины. Да что там греха таить – так оно, очевидно, и было. Но поверить в это... – Нет. Это неправда!

– Да что ты?! – протянул он насмешливо и расслабленно потянулся, хрустнув суставами. – А какое ты находишь объяснение? Где он мотался, этот твой Саша, в двухнедельном временном промежутке?

– Почему двухнедельном?

Ей было жутко стыдно: и за свое упрямое любопытство, и за свой дурацкий роман, закончившийся так вот несуразно. В принципе как несуразно он начался, так и оборвался. И это было почти предсказуемо. Только вот ныло и ныло что-то внутри. Неужели Саша действительно бросил ее, прежде чем...

– Потому, милая, – Данила почти ласково разулыбался, – что он не явился к тебе на свидание месяц назад. Так? Так. А погиб пару недель назад. Остаются две недели между его исчезновением и гибелью. Это же задачка для первого класса! Чего тут тебе непонятно?!

– Мне? Мне непонятно, где он был эти две недели, – порадовала его Эмма своим ответом.

– Вот и мне тоже непонятно его двухнедельное отсутствие в твоей постели, дорогая. Как можно было кинуть такую женщину, когда она желаний полна? Да... Кстати, он за гостиницу-то сам платил или ты раскошелчивалась?

– Какую гостиницу?! Я ничего тебе не говорила про гостиницу!

– А я дурак, да, по-твоему? Если ты не водила его домой, не знаешь о нем ничего, кроме имени, – ни его домашнего адреса, ни знакомых, ни места работы. Где вы еще могли с ним встречаться? Только в номерах, дорогая, только в номерах. Ладно, мне сейчас необходимо уйти. Дела, понимаешь ли. А тебя я попрошу... – Паузу он выдержал дольше положенного времени. Ровно на столько дольше, чтобы дать ей почувствовать себя окончательно пристыженной. – Ну, пожалуйста, не влезай больше ни в какие истории!!! Неизвестно, чем этот твой Саша занимался. Неизвестно, за что его убрали. Вообще ничего не известно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.